

**ВАСИЛИЙ
ВЕДЕНЕЕВ**

СТРОИТЕЛЬСТВО

[illegible]

Погово "Вепря"

Василий Владимирович Веденеев
Логово «ВЕПРЯ»
Серия «Остросюжет»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14654815

Логово «ВЕПРЯ»: Вече; Москва; 2011
ISBN 978-5-9533-4362-6, 978-5-4444-8228-5

Аннотация

Конец XX века. После развала Советского Союза на его окраинах резко обострились различные сепаратистские движения. Во время одной из спецопераций госбезопасности в Южных Предгорьях у боевиков был изъят «войс-органайзер», на котором была записана важная информация о планах сепаратистов. Вместо связного на встречу с боевиками идет переодетый майор Бахарев. После ряда невероятных приключений, пережив несколько покушений, майор выходит на след хорошо законспирированной организации «ВЕПРЬ», представителем которой оказывается его старый знакомый генерал Шатуновский...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	52
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Василий Веденеев

Логово «ВЕПРЯ»

© Веденеев В. В., наследники, 2011

© ООО «Издательский дом «Вече», 2011

* * *

*Я веду вас в мрачный мир, где живая
Действительность превосходит
Всякий вымысел...*

Жорж Бержье

Глава 1

Ульман стоял у окна кабинета, курил и нервно выбивал пальцами замысловатую дробь по узкому подоконнику. Далеко внизу лежала улица Арбат, которую поэт однажды сравнил с рекой: по ней сновали, казавшиеся отсюда не больше муравьев чем-то озабоченные пешеходы. Левее виднелась часть Смоленской площади с бесконечным потоком автомобилей, широко текущем в обе стороны Садового кольца. Однако Лев Михайлович не замечал ни пешеходов, ни автомобилей – глубоко затягиваясь сигаретой, он невидящими глазами следил за выходящей от ее кончика серой ленточкой дыма и, как медиум, внутренним взором пытался проникнуть туда, где ему сейчас очень хотелось присутствовать, но ни положение, ни обстоятельства не позволяли это сделать, а изменить их Ульман просто не в силах, хотя иногда был готов прозаложить душу черту-дьяволу, лишь бы добиться желаемого!

Он закрыл глаза и мысленно представил загородную резиденцию президента, влажные после недавнего дождя дорожки, слегка поникшие кусты роз на широком газоне, бриллианты дождевых капель, оставшихся в хвое серебристых елей около здания так называемой «дачи». Сейчас только начало осени и должна стоять теплынь на дворе, а прохладными ночами радовать глаз звездное небо, но в последние дни что-то резко похолодало и вместо легких серебристых паутинок ветер гнал сбитые дождем листья, сердито сметая их в кучи под садовыми скамьями.

Наверняка под стать пасмурной погоде и протокольные лица охранников, которых здесь хоть пруд пруди, однако Лев Михайлович для них неосязаемая субстанция, он – сама мысль, и потому может беспрепятственно проскользнуть мимо вооруженных секьюрити, подняться по ступеням, открыть дверь и оказаться в комнате, где беседовали министр и президент. О чем бы они ни говорили, наверняка речь пойдет и о Южных Предгорьях – обстановка там накалилась, словно адская сковорода, а Ульман, к несчастью, «вел» именно этот регион. Поэтому его очень интересовало: что решил президент в отношении оппозиционеров? После развала Союза в Предгорьях образовалось другое, правда дружественное России, государство, но его границы с сопредельными странами по-прежнему охраняли наши пограничники. Пришлось пойти и на военное присутствие в этом регионе – правительство независимой республики Южных Предгорий само оказалось не в состоянии защититься от воинственных соседей, которые давно погрязли в бесконечных кровавых междоусобицах на этнической и религиозной почве. Который год у них не прекращалась самая настоящая война, но в средствах массовой информации ее стыдливо именовали «вооруженными конфликтами между отдельными группировками». Какие, к чертям, группировки, если всю пуляли ракетами и вели танковые сражения?!

Естественно, дурной пример всегда заразителен и в республике Южных предгорий тоже появились собственные вооруженные силы оппозиции: спаси, Господь, наших в военной форме, которым приходилось там совсем не сладко.

О судьбе собственного великовозрастного отпрыска советник министра иностранных дел не волновался – мальчик учился в Англии в престижном колледже, а позже с помощью отца и других родственников должен сделать карьеру: не его дело бегать в кирзе и с автоматом под пулями. Для этого есть люди попроще, чьи дети не могли учиться за рубежом или в самых престижных российских учебных заведениях. О простых русских парнях, волей судеб и президента, закинутых в далекие от дома дикие горные края, Лев Михайлович беспокоился отнюдь не из гуманных побуждений: события в Южных Предгорьях могли аукнуться здесь, в России, совершенно непредсказуемым образом. Кому тогда, к чертям собачьим, будут нужны он сам и его сын, закончивший английский колледж? Да и дадут ли его закончить?

Лучше о таком вообще не думать, а все-таки постараться поточнее предугадать, о чем вели речь президент и министр? Однако не удавалось даже представить лица беседующих, не то чтобы придумать возможный диалог между ними, и сколько Лев Михайлович ни пыжился, ни пытался, отрешившись от окружающего, углубиться в себя, он по-прежнему оставался на мертвой точке. Но советник не позволил выплеснуться появившемуся раздражению и постарался сконцентрироваться на картинке, которая возникла первой, добавив в нее большую темную машину министра: тяжело шурша шинами, она подкатила к подъезду президентской резиденции.

Обычно из ворот «дачи» на приличной скорости вылетал целый кортеж машин и устремлялся к Москве. Потом лимузины начинали по одному отваливать, забирая в стороны, поскольку кому-то из присутствовавших на совещании нужно на Старую площадь, кому-то на Арбат в Министерство обороны, а кому-то сюда, на Смоленскую, где упиралось в небо грязно-серым шпилем, украшенное гербом несуществующего государства, высотное здание – памятник давно минувших сталинских времен.

Словно поддавшись наитию, Ульман открыл глаза и посмотрел вниз: к личному подъезду министра подкатил лаково блестящий лимузин. Встречать «хозяина» уже выскочили референт и начальник секретариата. Референт раскрыл большой черный зонт и помог министру выйти из автомобиля. Шикарный лимузин тут же уехал. Значит Жаба – так Ульман за глаза всегда называл министра, но благоразумно ни с кем не делился, что «хозяин» кажется ему похожим на противное, скользкое бородавчатое земноводное, – направился к себе. Что же, теперь оставалось терпеливо ждать. Лев Михайлович сел за стол и прикурил новую сигарету. Собираясь с мыслями, полуприкрыл глаза и загадал: вызовет его Жаба к себе в кабинет или обойдется телефонным звонком? Если вызовет, значит, явно запахло паленым...

Тем временем министр, небрежно кивнув охране, прошел к своему лифту, поднялся на седьмой этаж и уже в приемной бросил секретарю:

– Немедленно соедините меня с Ульманом!..

Когда затрещал аппарат прямой связи с министром, Лев Михайлович провел кончиками пальцев по щекам, проверяя: не вылезла ли предательская щетина? Пусть ты за глаза зовешь «хозяина» Жабой, но если вызовут, то появляться в апартаментах министра плохо выбритым не позволяла привычка к соблюдению этикета и протокола. Кроме того, Ульман прекрасно отдавал себе отчет, что он далеко не красавец мужчина: худой, сутуловатый, с крупным носом, на котором сидели очки с сильными линзами. Да и спортом никогда не занимался, поэтому частенько стеснялся своей фигуры.

– Слушаю, господин министр, – сняв трубку после третьего звонка, откликнулся советник.

– Вы хорошо поработали накануне, – без предисловий начал «хозяин», даже не удосужившись поздороваться. – Президент остался доволен. Надо теперь подготовить к завтрашнему дню тезисы по нашим новым предложениям в свете развития ситуации в этом регионе. Постарайтесь, Лев Михайлович!

– Конечно, конечно, господин министр, – тут же согласился советник, старательно избегая называть Жабу по имени-отчеству: это было его маленькой мстью за то, что тот не здоровался с подчиненными и вечно крутил задницей, изображая великого демократа.

– А какова позиция президента в силовом аспекте вопроса? – осторожно закинул удочку Ульман: если готовить материалы, надо знать мнение Самого.

– Она осталась неизменной. – Министр вздохнул и сделал паузу. Видимо, ему не удалось сдвинуть президента с занимаемой им точки зрения и это его огорчало. – Завтра в десять я жду вас, Лев Михайлович.

В наушнике запиликали короткие гудки отбоя, и Ульман быстро положил трубку на рычаги. Проклятье! Все, как нарочно, начинало развиваться по самому худшему варианту,

поскольку, видите ли, никто никому не желал уступать. И всем плевать, что дипломатия – это искусство компромиссов: не лучше ли нахально поиграть бицепсами?!

Нет, не лучше! Разумнее сесть за стол переговоров и при всех несовпадениях мнений все-таки попытаться договориться, иначе волна кровавой анархии рано или поздно докатится и сюда. Да разве не было тут танков на улицах, орудийной и автоматной стрельбы? И это в Москве, сердце России! Еще чуть-чуть – и могли бы развязать новую жуткую бойню, ввергнув страну в пучину Гражданской войны. Вот и думай тут о карьере для сына.

Что же касалось тезисов мирных предложений, то он заранее позаботился о том, чтобы хотя бы вчерне подготовить несколько их вариантов в зависимости от развития событий в регионе и теперь, словно факир, ловко вытаскивает один из них, еще раз подтвердив репутацию опытного и незаменимого работника.

Ульман открыл сейф, достал папку с бумагами и невольно досадливо прикусил губу – всегда противно, когда кто-то, пользуясь тем, что сидит наверху, сосет твои мозги, а ты вечно вынужден копать в дерьме! Разве он давно не перерос должность советника? Но Жаба упорно делал вид, что ничего не замечал, не видел и не слышал, и даже ни о чем не догадывался. Действительно, зачем это, если лучше иметь под руками исполнителя, который все знает и умеет, и до тонкостей разбирается в непростом положении, сложившемся в республике Южных Предгорий.

Но пока Лев Михайлович не стал министром, приходилось выполнять свои обязанности. Советник положил папку на стол, раскрыл ее и занялся документами – нельзя ударить в грязь лицом и завтра в десять он, как всегда, должен блеснуть профессиональной подготовкой... Вечером Ульман поехал в ночной клуб «Робинзон» – хотелось немного развеяться. Он припарковал машину на стоянке клуба и вошел в подъезд, открыл дверь и очутился в стилизованной под бунгало прихожей. Купив билет, советник направился в бар.

Усевшись на высокий табурет у стойки, Лев Михайлович лениво потягивал водку с апельсиновым соком и курил сигарету. Окружающая публика его мало интересовала: он давно перешагнул тот возрастной рубеж, когда жаждешь острых ощущений, разных приключений и быстрых любовных интрижек.

– Остерегайтесь пьянства и блуда, от того ведь душа погибает и тело, – неожиданно раздался рядом знакомый голос.

Ульман обернулся и увидел Сашку Дорогана: тот занимал довольно ответственный пост в Администрации. Все правильно, мелкие чиновники сюда не заплывали – им такой клуб не по карману, – а крупные теперь нисколько не гнушались выпивать в обществе дорогих проституток, ростовщиков и удачливых бандитов: все стали одним миром мазаны! Как некогда сказал поэт – верхи и низы сошлись в притонах.

– Поучения Мономаха вспомнил? – желчно усмехнулся советник: из-за больных почек Дороган пил мало и очень редко. – Зависть, мой друг, все это зависть! А она рождается от бессилия.

– Не стану спорить, ибо в Талмуде сказано: из двух пререкающихся прав тот, кто умолкает первым.

– Насчет Талмуда тебе, Александр Исаевич, виднее, – съязвил Ульман.

Впрочем, съязвил без всякой злобы: с Дороганом они были давними приятелями и пикировались скорее по привычке, совершенно не обижаясь друг на друга. Поэтому Лев Михайлович изменил тон и предложил:

– Шары погоняем?

– Отлично, – согласился чиновник и шутливо пригрозил: – Смотри, Лева, обдеру тебя сегодня на сухую!

– А вот это мы еще посмотрим.

Они спустились в полуподвал старого здания клуба, где располагались бильярдные – широкие комнаты с низкими потолками и огромными солидными столами. Под туго натянутым зеленым сукном у них пряталась гладко отполированная мраморная доска, как это и положено на настоящем бильярдном столе: по ней шар катился с особенным звуком, а не стучал, словно подпрыгивая по деревянным ступеням старой разошедшейся лестницы.

– Пирамидку? – Лев Михайлович ловко разбил шары.

– Ты сегодня неважно выглядишь, – обходя вокруг стола, сочувственно заметил Александр Исаевич.

– Замучили, – вздохнул Ульман и доверительно пожаловался: – Проклятые чурки никак не могут между собой разобраться, а мне приходится отдуваться за мусульманские грехи. Каково?

– Не сладко, – согласился Дороган и вяло ударил, стараясь не сделать «подставку». – Что там, опять зашевелились?

– Перемирие уже нарушено, – кивнул Лев Михайлович. – Перестрелки локального характера, захватили два танка, но самое противное, что это в Ломиджаре, всего в ста двадцати верстах от их столицы.

– Но ведь лидер оппозиции Саид Абдулло и их президент подписали протокол о прекращении боевых действий!

Александр Исаевич аккуратно вытер испачканные мелом кончики пальцев и закурил. Сообщение Ульмана о вновь начавшихся боевых действиях в Южных Предгорьях его обеспокоило – это сулило множество неожиданных осложнений здесь, в Москве. Причем таких, которые сразу не сможешь предугадать, чтобы вовремя прикрыться: черт побери, мир стал таков, что происходящее за тысячи километров болезненно аукалось там, где пока еще, слава Богу, не стреляли.

– Плевали они на все протоколы, – презрительно скривился дипломат. – Вчера ночью боевики взяли город Тигабун, а потом захватили военные склады и блокировали правительственные части в районе аэропорта Гарса. По некоторым данным, в Гарс и, возможно, в Табильдару направится специальная группа военных наблюдателей ООН.

– Они надеются убедить полевых командиров выполнять соглашение о прекращении огня? – с сомнением покачал головой Дороган.

– Черт их знает?!

Ульман точно вогнал шар в лузу, словно сорвал на нем скопившееся раздражение. Действительно, на ком или на чем еще он может его сорвать? Ведь мы живем в мире условностей: не выскажешься же напрямую перед Жабой – он министр, а ты комар перед ним. Сейчас, когда вновь загрели выстрелы, кого интересовало, что советник Ульман уже давно талдычил о все более углубившихся разногласиях между лидерами оппозиции Саидом Абдулло и Али Акбаром?! А ведь последний, по данным внешней разведки, крайне не одобрял подписание протокола о политическом урегулировании в Южных Предгорьях. Еще война в Афганистане показала, что всегда необходимо учитывать настроения непримиримой оппозиции. Но разве мы способны обучаться, пусть даже не на чужих, а на собственных ошибках?

– Не знаю, на что они надеются, – сердито пробурчал Лев Михайлович, – но некоторых представителей оппозиционеров за рубежом уже старательно обхаживают израильтяне.

– Источник сведений надежный? – как бы между прочим поинтересовался Дороган.

– Вполне, но подробностей не знаю, – предваряя возможные расспросы, отрезал советник.

– Чего же хотят от тебя?

Александр Исаевич взял с маленького столика банку с пивом, открыл ее и протянул приятелю, а себе взял бутылочку пепси.

– Предложений, – Лев Михайлович поблагодарил за пиво. – Как будто я могу мановением руки изменить создавшуюся ситуацию. Сегодня наш хозяин ездил к президенту, и тот, видимо, надрал ему задницу. Поэтому срочно понадобились предложения, чтобы как-то реабилитироваться. Раньше надо было боржоми пить!

– Будет ли толк от миротворчества?

– Кто знает? – Ульман равнодушно пожал плечами. – В конце концов я не волшебник. Скорее врач, пытающийся вернуть патологические процессы в нормальное русло. Но что считать нормальным там, где все сплошная аномалия, патология и условность? Что нормально в человеческом обществе, особенно в совершенно чуждом нам мусульманском мире, где искусственно все, где нет ничего, что не было бы создано людьми?!

– Считаю естественным все существующее, – бледно улыбнулся Дороган. – Иначе сойдешь с ума. Нормально не то, что нравится нашим главным политикам, а то, что наиболее распространено в реальной жизни.

– Твои бы слова, да нашему святоше в уши, – неожиданно обозлился советник. Он чуть не сказал «нашей Жабе», и это еще более выбило его из колеи: противно, когда даже в разговоре с приятелем невозможно полностью быть самим собой. Но что поделать: вокруг все тот же созданный людьми мир сугубых условностей!

– А что хорошенького у тебя? – Лев Михайлович сделал из банки большой плоток пива.

– То же самое дерьмо, – Александр Исаевич тусклым взглядом посмотрел в лицо приятеля. – По-прежнему заедают финансовые проблемы: надо как-то и что-то набрать в госбюджет, а, самое главное, скорее набить свои карманы.

– Это всегда значительно важнее.

– Естественно, а еще хоть голову сломай, но придумай, как удержать рубль на плаву. Тут свои бои с оппозицией, которая ничуть не лучше мусульманской.

– Ну, лидер думской оппозиции Зубанов не мусульманский фанатик, – засмеялся советник. – Он воевать не пойдет! Зачем, если добраться до власти можно сидя в кресле, а не в окопе, и разъезжая в роскошном лимузине, а не на танке?

Дороган ясно представил себе Зубанова: плотного, словно выросшего в землю, с большой лысоватой головой и тонкогубым ртом под крупным носом властолюбца. Кто его знает? Хорошо, если Левка прав, но вдруг ситуация повернется? Не исключено, что это может произойти даже и под влиянием событий, разворачивающихся в Южных Предгорьях. Тогда ни за что твердо ручаться нельзя – вдруг если не сам Зубанов, то его сторонники возьмутся за оружие?! В нашей стране частенько создавались ситуации, когда Россия стояла на грани полной анархии. И, к несчастью, не только стояла, но и на долгие годы с головой погружалась в кровавую пучину.

Кого тогда вынесет наверх мутная волна? В лихой круговерти могут сгинуть и Зубанов, и президент, многие из тех, кто сейчас у власти, и из тех, кто жаждал ее, зато появятся другие люди, вполне возможно, исповедующие совершенно иные идеалы. Хорошо, если мы с ними пойдем вперед, пусть даже через кровь, а если назад, во мрак?

От таких мыслей Александр Исаевич зябко передернул плечами. Игра потеряла для него всякий интерес. Ульман безошибочно почувствовал это и положил кий.

– К дьяволу все дипломатические протоколы и этикеты! – Он зло смял банку. – Древним было значительно проще: взял дубину и треснул по черепу того, кто первым подвернулся под руку. И никаких стрессов!

– Ладно, – Дороган успокаивающе похлопал приятеля по плечу. – Сегодня у нас ничья?

– Согласен.

– Кстати, твой святоша не обмолвился, какова позиция президента по известному вопросу?

Лев Михайлович выпустил клуб сизого табачного дыма и горько рассмеялся: кому приятно сообщать не слишком хорошие новости?

– Похоже, он принял окончательное решение и не намерен его менять.

Дороган пожевал губами и хотел сказать, что со стороны президента это довольно неумно, но предпочел промолчать – все равно его мнение ничего не изменит, так стоило ли пустую сотрясать воздух?

– Пошли в буфет, угощу тебя кофе, – предложил он. – Все равно сегодня шары, словно квадратные...

Клуб они покидали около полуночи. Проходя через освещенный разноцветными фонариками холл, Ульман бросил взгляд на развешанные по стенам ритуальные маски, – то ли стилизованные, то ли действительно привезенные из Африки или с островов Тихого океана, – и на миг ему вдруг показалось, что они кровожадно и злобно скалили им вслед...

Чуенков удобно развалился в мягком кресле, надел большие наушники, нажал кнопку пульта и включил воспроизведение записи разговора советника МИДа Ульмана с чиновником Администрации Дороганом, сделанную в бильярдной клуба «Робинзон». В свое время Виктор Николаевич потратил немало нервов и времени, обивая пороги начальственных кабинетов, чтобы добиться установки оперативной техники в некоторых интересующих контрразведку местах и, когда это наконец все-таки удалось сделать, потихоньку начал пожирать плоды бескровной победы в битве с руководством.

Естественно, прослушивать каждую запись не хватало ни сил, ни времени, – тем более, техника исправно работала не только в «Робинзоне», – но здесь дежурный оператор сделал пометку, что Чуенкову следовало ознакомиться с материалами лично.

– Пирамидку? – спросил в наушниках чуть хрипловатый мужской голос и тут же звонко щелкнули шары, больно ударив по ушам резким звуком: техника настолько чувствительна, что записывала шепот за десяток метров, а уж стук шаров и подавно казался громом пушечной пальбы.

Виктор Николаевич слегка поморщился и убавил громкость, философствуют, сукины дети, выпендриваются и наивно полагают, что их никто никогда не сможет услышать: дудки, ребятишки! Вот они вы, как на ладошке, каждое ваше словечко записано и взвешено – свобода и демократия еще не означали возможности сорить государственными секретами налево и направо!

Чуенков закурил и еще убавил громкость – в наушнике опять стучали шары.

С другой стороны, можно ли говорить, что Ульман, – это именно ему принадлежал хрипловатый голос, а Дороган говорил мягко, чуть заметно шепелявя, – раскрывал дипломатические тайны? Да нет, все, о чем он конфиденциально вещал Александру Исаевичу, – который, кстати, весьма осведомлен, – не сегодня, так завтра появится в газетах и репортажах телевидения. Просто информация Льва Михайловича на сутки или двое опережала официальную. И что с того? Какой здесь для контрразведки интерес? Факт нарушения перемирия в Южных Предгорьях уже имел место, и за рубежом о нем знали не хуже нас: существуют и исправно работают радиоперехваты, спутники-шпионы, в тех местах находятся наблюдатели ООН, среди которых затесалось и прикрылось мандатами о дипломатической неприкосновенности немало профессиональных разведчиков, и, между прочим, есть представители оппозиции в эмиграции.

Нет, тут дело в другом. О разногласиях между лидерами оппозиции сам Чуенков мог рассказывать часами, как о кухонных склоках между собственными близкими родственниками, – настолько хорошо он их изучил. Так в чем же дело? Зачем он должен ознакомиться с записью?

Дослушав, Виктор Николаевич снял наушники и бросил их на стол: что же его зацепило? Кажется, упоминание о решении президента?

Прикурив, Чуенков выпустил дым из ноздрей и сердито скривил губы: вот бы иметь технику, которая не просто записывала голоса, а незаметно залезала в головы собеседников, фиксируя их самые потаенные мысли! Поставить себе на службу эдакого электронного экстрасенса, всегда работающего без сбоев и ошибок. Вот было бы чудесно, а то сиди и ломай голову, – о чем недоговорили Дороган и Ульман? Какое именно решение президента они имели в виду, и отчего оно имело для них некое скрытое, потаенное значение?

По крайней мере насчет Южных Предгорий, где вновь начали разворачиваться трагические события, президент никаких конкретных решений не принимал: это начальник одного из ведущих отделов контрразведки знал точно. Если, конечно, за истекшую ночь не произошло каких-либо кардинальных изменений. Но тогда об этом решении Ульман никак не мог знать во время разговора с Дороганом! И отчего Александр Исаевич, услышав от Льва Михайловича о решении президента, вернее, о том, что тот не намерен его менять, выдержал столь красноречивую паузу?

Полковник встал, прошелся по кабинету, безуспешно пытаясь разгадать головоломку: президент принимал достаточное количество решений, иногда даже несколько противоречащих друг другу, и зачастую подчиненных лишь быстро меняющимся требованиям сегодняшнего дня, без учета дня завтрашнего. Но как среди них отыскать то, единственное, на которое многозначительно намекал Лев Ульман? Не спросишь же у него самого, черт бы его побрал совсем! Впрочем, можно пойти напролом и спросить, но тогда многое насмарку, и все оперативные мероприятия впустую.

Хотя Ульман и Дороган уже мелькали в донесениях, есть записи их других бесед, так отчего бы не подвести к ним осведомителей и не пощупать их более тонко, не попытаться залезть к ним в души и головы, не понаблюдать за ними более пристально, чтобы попытаться определить, выяснить жизненное кредо советника МИДа и чиновника Администрации?

Основания? Пожалуйста, при желании их можно найти сколько угодно, была бы охота. Оба интересующих контрразведку человека – Ульман прямо, а Дороган косвенно, – по роду деятельности связаны с Южными Предгорьями, где вновь вспыхнула война между войсками нежизнеспособного правительства и боевиками оппозиции. А там, между прочим, находятся и российские войска: пусть ограниченный воинский контингент и пограничники, но все же! И ситуация складывалась до боли знакомая – стоило нам только оттуда уйти, как дни правительства буду сочтены. Да что там дни, часы!

С республикой Южных Предгорий граничил бурно кипящий междоусобными страстями и войнами, в любой момент готовый взорваться раскаленный котел Афганистана, с фанатичными талибами. Мало того, там же и воинственный Пакистан, вечно взболомученный Иран, где уже почти готовы к созданию собственного ядерного оружия. И, в довершение, недалеко раскинулся бурно развивающийся, но плохо предсказуемый нашими политиками и дипломатами огромный Китай. Не говоря уже о всяких «Золотых треугольниках» и «Серебряных полумесяцах» с горными опиумными плантациями, многочисленными вооруженными до зубов бандами местных «генералов» и «маршалов». А дальше Индия, уже осуществившая ядерные испытания.

– Какого только дьявола мы туда влезли! – Чуенков в сердцах пристукнул по столешнице и с горечью подумал, что его все равно бы не спросили: лезть туда или нет?

В свое время весь этот регион завоевал царизм, поскольку в России уже тогда понимали, как богаты Южные Предгорья ископаемыми и, главное, редкими металлами. А чего из таблицы Менделеева там только не нашли позже... Поэтому мы там и торчим, постоянно рискуя ввязаться в еще более серьезную авантюру, уже геополитического масштаба.

Впрочем, не его ума это дело, все одно ничего не изменить! Лучше хорошенько подумать: докладывать ли о Дорогане и Ульмане начальнику Управления? Естественно, с предложениями более глубокого «изучения» их персон?

Виктор Николаевич на секунду представил постное лицо начальника Управления генерала Моторина, вспомнил, как обивал пороги его кабинета с просьбами выделить средства и установить оперативную технику и спросил сам себя: о чем ты, собственно, намереваешься докладывать руководству? О том, что упоминание о решении президента тебя насторожило и острым коготком подозрений царапнуло душу? Так то царапнуло твою душу, а не душу генерала Моторина! Разрешит ли он активизировать работу? Скорее всего, нет – Валерий Иванович человек весьма осторожный, в большинстве случаев предпочитавший выжидать, а не активно действовать. Действие всегда сопряжено с каким-либо риском, а рисковать Моторин не любил, иначе, наверное, не стал бы генералом.

Ладно, тогда приобщим запись к уже имеющимся материалам и поручим капитану Петру Черняеву в сжатые сроки подготовить подробные справочники на Льва Михайловича и Александра Исаевича – Петя парень молодой, резвый, если его умело направлять, то, глядишь, расстарается и нароет чего-нибудь интересенькое. Тем более, Ульман пусть вскользь, но упомянул, что около одного из представителей оппозиционеров за рубежом усиленно крутились израильтяне. Это всегда интересно, поскольку за теми, кто описывал круги около мусульманина или уже успел войти с ним в контакт, вполне возможно, стоял МОССАД – израильская разведка...

Утро пришло ясным и солнечным. Заснеженные вершины гор на фоне безоблачного голубого неба казались сахарными. День еще не полностью вступил в свои права, и палящий зной не прогнал утреннюю прохладу, поэтому кишлак, спрятавшийся в цветущей долине за высоким горным хребтом, овеяло свежим ветерком: здесь о приближении осени напоминали лишь спелые, сладкие плоды на деревьях в тенистых садах.

Гафур закончил молитву и свернул тонкий, порядком истрепавшийся молитвенный коврик: как ни старайся целиком отделиться от разговора с Аллахом, все равно шайтан подсовывал под колени острые камешки, превращая намаз в сущую пытку.

Уже несколько дней отряд под командованием полевого командира Абдулкасыма отдыхал в кишлаке и, похоже, не просто отдыхал, а чего-то ждал – на такие вещи у Гафура был просто нюх, который еще ни разу его не подводил. Но чего ждал Абдулкасым: нового оружия, пополнения отряда или каких-то сведений? Хотя, зачем гадать, – если есть возможность отдыхать, просто надо ею воспользоваться и благодарить Аллаха, что пограничники и солдаты урусов остались далеко за горным хребтом и не нужно постоянно спать в обнимку с автоматом и втягивать голову в плечи при каждом подозрительном шорохе или стуке, потому что вслед за ними может пророкотать пулеметная очередь или хлопнуться рядом мина.

Остановившись среди деревьев сада, Гафур втянул ноздрями ароматный воздух и безошибочно учуял, что к запахам яблок и персиков, сочной листвы и чуть влажной от утренней росы травы примешивались запахи молока и свежее испеченных лепешек: значит, пора завтракать.

– Эй, Гафур! Ты где? – Гафур вышел из-за деревьев.

– Абдулкасым велел тебе прийти, – ординарец вытер мокрый рот тыльной стороной ладони: наверняка он сначала заглянул в дом и выпил молока. Прожорливый малый, на такого харчей не напасешься.

– Что за нужда?

– Не знаю, не тни зря время. Он ждет.

– Хоп. Только положу коврик.

Оставив молитвенный коврик на крыльце, Гафур поплелся следом за ординарцем на другой конец кишлака. Около дома, где квартировал командир, чуткие ноздри Гафура уловили запах кебаба, и он невольно сглотнул голодную слюну.

Часовой с автоматом молча кивнул Гафуру и показал большим пальцем себе за спину, предлагая пройти на веранду. Боевик поднялся по ступеням, открыл дверь и вошел.

Дощатый пол сплошь устилали атласные курпача – стеганные ватные одеяла, – на которых вокруг уставленного блюдами засаленного достархана, поджав ноги, сидели трое. О, старый, весь покрытый сальными пятнами достархан говорил о многом: его расстилали лишь для дорогих, почетных гостей, поскольку, чем больше людей ели за этим достарханом, тем большая благодать опустится с небес на гостей, усевшихся вокруг него.

На достархане стояли блюдо с пловом, дымящийся кебаб, – нос не обманул Гафура, – пиалы с медом, свежие лепешки и фрукты. Сам Абдулкасым, – безоружный, в надетом на голое загорелое тело халате, подпоясанном пестрым платком, – сидел лицом к двери и улыбался казавшейся загадочной улыбкой, от которой многим становилось не по себе. По правую и левую руки от него устроились два гостя: средних лет мужчины в камуфляжных костюмах и накинутых поверх них халатах. Они повернули навстречу вошедшему бородастые лица и настороженно ощупали его быстрыми темными глазами.

– Салом, ака-джон¹ Абдулкасым, – поклонился Гафур, сохраняя достоинство: все-таки, он был не простым боевиком, а командиром десятка. – Салом, афанди².

– Салом, – нестройно ответили сидевшие за достарханом и Абдулкасым радушно пригласил: – Присаживайся, Гафур, угощайся, угощайся!

Дважды приглашать не пришлось. Гафур опустился на курпача и запустил грязную лапу в блюдо с пловом. На Востоке вообще не принято есть в одиночестве, а гость в дом приходил по воле Аллаха. Так отчего не воспользоваться дарами гостеприимства?

«Ишь, нахохлился, словно ворон над падалью, – уплетая плов, Гафур бросил быстрый взгляд на Абдулкасыма. – Наверное, выжидает, когда, согласно правилам приличия, можно заговорить о деле?»

Гости и сам хозяин ели вяло: то ли успели плотно позавтракать раньше, то ли кусок не лез в горло из-за одолевавших забот? Не забывая про угощение и вовсю работая челюстями, Гафур исподтишка разглядывал людей в камуфляже, пытаясь угадать, кто эти люди? Вообще в отрядах оппозиции собирался разный народ, а поскольку непримиримая вражда расколола страну на неравные части, на той и на другой стороне оказались работники спецслужб, милиционеры, учителя, агрономы, простые земледельцы, чиновники, строители. Да мало ли кого встретишь среди боевиков – тот же Абдулкасым раньше служил в армии вместе с урусами, а теперь он полевой командир, под началом которого множество боевиков, минометы и артиллерия.

Сам Гафур образованием или какими-то специальными знаниями похвастаться не мог: учился в школе, потом служил в армии, когда вернулся работал на поле. Природная хитрость, сметка и оборотистость помогли ему стать бригадиром. Когда началась заваруха, он, не раздумывая, взял автомат и ушел в горы вместе со многими земляками, недовольными действиями столичных властей. И тут тоже сумел стать, пусть маленьким, но начальником.

Да, к глубокому сожалению, на лицах гостей не написано, кто они, откуда и зачем пришли, а вот их быстрый оценивающий взгляд и руки – сильные, крепкие, но не привычные к работе, – многое сказали Гафуру красноречивей любых слов. Абдулкасым с кем только не водил дружбу, получая сведения, принесенные с той стороны горного хребта, деньги, обмундирование и вооружение. Наверняка это пришли люди тех, кто щедро платил по счетам.

– Что слышно из Гарса? – хрипловато спросил один из гостей.

– Разве там еще не кончено? – ухмыльнулся второй.

¹ Ака-джон – дословно, старший брат, начальник (*фарси*).

² Афанди – господин, господа.

– Наши блокировали спецназовцев МВД, – лениво ответил Абдулкасым. – Они упорно не отдают аэропорт. Но отдадут.

– Сколько их? – уточнил первый гость.

– Говорят, батальон, – пожал плечами полевой командир. – Да какая разница, сколько? Они не выдержат долгой осады, а прийти им на помощь некому: дороги перекрыты, район глухой, от столицы далеко.

– А урусча?

– Они туда не пойдут, – ответил Абдулкасым. – Им важнее помочь удержать столицу, чтобы правительство не разбежалось.

Все засмеялись, и Гафур тоже улыбнулся, но про себя отметил: ака-джон старательно избегает называть гостей по именам. Похоже, эти двое действительно из тех, кто предпочитал действовать под покровом ночи и никогда не открывал своего имени. Что же. Раз Аллах привел их сюда и посадил рядом с ними Гафура, значит, так начертано в Книге судеб и ничего изменить уже невозможно.

– Как настроение, Гафур? – продолжая загадочно улыбаться, спросил Абдулкасым.

– Спасибо, ака-джон, все в порядке, – торопливо проглотив плов, поспешил ответить боевик.

– Ты прекрасно знаешь здешние места, – посматривая на Гафура из-под полуприкрытых век, медленно цедил командир. – Тебе известны все ущелья и тропинки, все перевалы и вершины. Разве не так?

– Так, – эхом откликнулся Гафур.

– Мои гости давно не видели родных, оставшихся на той стороне, и я подумал: кто, если не Гафур, сможет незаметно провести их мимо поста урусча? Ведь навестить родных и могилы предков богоугодное дело.

«Как же, – зло подумал Гафур. – Пойдут они на могилы предков! За дурака, что ли, меня считают? Но стоит ли высовываться со своим умом?»

– Да, да, – вслух сказал он и угодливо закивал. – Ты хочешь, ака-джон, чтобы я проводил их туда? Хоп! А как они будут добираться обратно? Прости мое любопытство, но...

– Ничего, ты правильно сделал, что спросил, – Абдулкасым сам подал боевику пиалу с чаем. – Конечно, они там не намерены оставаться навсегда, поэтому через некоторое время ты их встретишь и проведешь обратно.

– Когда встречать?

– Тебе скажут, – бросил первый из гостей.

– Хоп, – немедленно согласился Гафур: скажут, так скажут. По крайней мере теперь стало ясно, чего от него хотели.

– Главное, успешно миновать посты и огневые точки пограничников урусчи, – назидательно поднял палец командир. – Понял? А там мои гости сами найдут нужную дорогу. Лучше подумай о безопасности перехода границы.

– Хоп, – кивнул Гафур. – Я возьму Хадыра: он лучше всех стреляет из ручного пулемета и в случае чего прикроет. И еще несколько человек из своего десятка.

– Хоп, – согласился Абдулкасым, поглядев сначала на гостей и дождавшись их молчаливого согласия. – Когда проведешь, останетесь ждать на той стороне, но ведите себя тихо, чтобы не всполошить урусчи.

– Когда выходим? – нахально принимаясь за кебаб, поинтересовался Гафур. – Сегодня ночью? Тогда вели накормить моих людей до отвала. Сытые всегда веселее.

– Зато голодные злее, – заметил второй из гостей. – Куда спешить? Не на свадьбу торопимся, уважаемый! У тебя есть несколько дней, чтобы как следует подготовиться.

– Сколько дней у меня есть?

– Три! – Абдулкасым для пушей убедительности показал на пальцах, и Гафур обреченно кивнул...

Очутившись на улице, он горестно вздохнул и с удивлением посмотрел на высоко стоящее в небе солнце. День уже в полном разгаре. Неужели он столько времени провел за достарханом? Да, болтавшаяся на запястье дешевенькая «сейка» с металлическим браслетом показывала, что встреча с Абдулкасымом с его гостями заняла по меньшей мере три часа.

Сокрушенно помотав головой, боевик поплелся к протекавшему за кишлаком ручью. На его берегу он уселся на камень и стал отламывать мелкие прутки от подобранной по дороге ветки. Бросая их в быстротекущий холодный горный поток, начинавшийся высоко в ледниках, Гафур невидящими глазами провожал уносимые волнами щепки и думал, что на него возложили не самую приятную миссию – мало того, что под покровом ночной темноты придется пробираться мимо оснащенных разными приборами постов русских, ежесекундно рискуя попасть под их кинжальный огонь, так еще он должен отвечать за людей в камуфляжных костюмах. И еще неизвестно, сколько потом их придется ждать?

Отрадно только одно: разрешили самому выбирать путь и дали на подготовку время. Очень хорошо, он постарается за эти трое суток найти безопасную лазейку, поскольку думать стоило прежде всего не о гостях Абдулкасыма, а о собственной голове – она дороже всех гостей и любых сокровищ, поскольку второй никто не даст, даже Аллах.

Гафур встал, отряхнул руки и пошел обратно в кишлак. Войдя во двор дома, где квартировали его боевики, он увидел пулеметчика Хадыра: тот сидел около каменной изгороди вместе с худощавым заросшим клочковатой бородой незнакомцем, одетым в горевшую на солнце нейлоновую куртку, засаленные брюки и стоптанные желтые полуботинки без шнурков, как у заправского полонника или дервиша. Его голову покрывал зеленый платок, а талию перехватывал пояс из тонкой ковровой ткани типа гобелена, с искусно вышитыми шелком изречениями из Корана.

«Кто это?» – заинтересовался Гафур и подошел ближе.

– Салам, – заметив его, привстал Хадыр. – Присаживайся, дорогой!

– Кто это с тобой? – Гафур поздоровался с пулеметчиком и незнакомцем, но тот смотрел мимо, словно никого не видел и ничего не ответил.

– Мой земляк, Тохир. Он дивана. Пришел навестить.

«Дивана? Юродивый?! – подумал Гафур. Получить какие-либо объяснения от Хадыра, далеко не блиставшего умом, вряд ли удастся, но его юродивый земляк – это интересно, очень интересно. В народе всегда почитали юродивых и относились к ним с уважением, но это местные, а не русские, а дивана сумел пройти мимо их постов? Стоило это проверить.

– Ты оттуда? – опускаясь на корточки перед Тохиром, спросил боевик и махнул рукой, показывая за горный хребет.

– Да, да, – бледная улыбка тронула губы юродивого, но он продолжал смотреть куда-то в сторону, словно видел там нечто, совершенно недоступное остальным, не посвященным в сокровенные таинства.

– У него несколько лет назад погибла вся семья, – шепотом пояснил Хадыр. – Вот он и стал дивана.

И все же подозрения Гафура еще не полностью рассеялись: ему ли не знать, сколько сложно пробраться через перевалы и ущелья? Прекрасно, что юродивый земляк пулеметчика, но интересно, как все-таки дивана прошел через границу и где прошел?

Боясь в этом признаться самому себе, боевик решил, что, может быть, всемогущая судьба посылала ему свой знак в образе юродивого, давая понять, как нужно действовать, чтобы выполнить поручение Абдулкасыма и остаться при этом живым и невредимым?

– Как ты прошел? – Гафур слегка похлопал по грязной, обветренной руке Тохира, чтобы привлечь его внимание.

– Пешком.

Юродивый наконец повернул к нему бледное лицо с тонкими чертами и поглядел поверх головы десятника боевиков и неожиданно заметил, как бы между прочим:

– Ты хочешь знать, как пройти там, где прошел я?

– Правильно, – не стал скрывать Гафур.

– Я шел через ущелье. Через Черное ущелье.

– Но там, на горе, пост урусча!

– Они не видели меня, – пренебрежительно дернул плечом юродивый и весело рассмеялся. – Неверным Аллах не дает увидеть своего слугу!

По мнению боевика, все это было из области нереального, а вот пулеметы урусчи самые, что ни на есть, реальные, и они исполосуют свинцом. Поэтому он упрямо продолжал расспросы.

– Ты шел днем или ночью?

– Для меня нет разницы.

– А как ты шел по ущелью? По его дну?

Тохир молитвенно сложил ладони и поднял глаза к небу, словно призывая его в свидетели правдивости своих слов.

– Аллах дает мне силы, и я прошел по козьей тропе.

Гафур чуть не стукнул себя по лбу: шайтан его возьми, разве можно быть проводником с такой дырявой головой?! Воистину, юродивого послал ему Аллах! Как можно забыть про козью тропу – каменистый карниз, проходивший по стене ущелья? Вот, оказывается, как дивана миновал пост урусчи. И боевик сразу же повеселел: безопасный путь на ту сторону найден.

– Ты пойдешь через три дня? – полуутвердительно спросил Тохир.

– Отчего ты так решил? – насторожился Гафур.

– Правильно, – словно не слыша его вопроса, продолжал странный гость. – Как раз наступит самая темная ночь, а новая луна еще не родится. И Аллах скроет тебя во тьме от глаз неверных!

– А-а, ну да... – несколько ошарашенный пронизательностью дивана, кивнул боевик.

– Время дневной молитвы, – поглядев на солнце, пробивающееся сквозь ажурную листву деревьев сада, заметил юродивый и разматал свой пояс, превратив его в молитвенный коврик.

Он скинул туфли, опустился на колени лицом к Мекке, выставил перед носами Гафура и Хадыра свои заскорузлые пятки с серо-желтоватыми мозолями и высоким гортанным голосом затянул:

– Аллах акбар! Бисми ллаги рахмани р-рахими! Ху аллагу эладжи ла иллаха илла!..

Темная, холодная ночь опустилась на заброшенный, давно покинутый жителями горный кишлак – оказавшись в зоне ожесточенных боев между правительственными войсками и боевиками оппозиции, люди предпочли оставить жилища, дабы сохранить свою жизнь.

Это унылое, пустынное место как нельзя лучше подходило Бахареву: он выбрал относительно целый двухэтажный уй – так местные жители называли свои дома, – проник в дверной проем и, держа наготове автомат, осторожно посветил синим фонариком. Кажется, никого? Да и кому здесь быть, что искать там, где все, что только можно забрать из оставленного жителями, давно унесли бродяги и мародеры.

Неслышно ступая, Юрий прошел в глубь дома и устроился в углу дальней комнаты: тут не так донимал ледяной ветер. Он злобно посвистывал в щелях, навевая невыразимую тоску, и совершенно не верилось, что утром появится на небе солнце и придет жаркий день

– казалось, что ночь наступила навсегда и никогда не кончатся холод, заунывное завывание ветра и мерцание звезд над далекими заснеженными вершинами гор.

Бахарев сел, положил автомат на колени, открыл сумку и достал из нее небольшой термос. Отвинтил крышку и глотнул горячего кофе с молоком, но тут же закрыл пробку, опасаясь выдать свое присутствие запахом мокко – у некоторых местных следопытов нюх, словно у хищников. Зачем зря рисковать?

Кстати, кое-кто из его коллег предпочитал добавлять в кофе не молоко и сахар, а коньяк или ром, но Юрий не любил спиртное: к чему дурманить мозг, порождая алкоголем призрачные иллюзии? Еще в юности отец ему доходчиво объяснил, что этот путь далеко не из тех, которые воспитывали в человеке благородство духа. Если приглядеться к нему повнимательнее и сорвать ложные покровы, то окажется, что путь этот слишком незатейлив, чтобы подходить для настоящего мужчины: это просто приманка для обмана наивных путников, готовых войти в западню, чтобы потом страшной ценой рассчитываться за это. Так стоило ли вообще вступать на этот путь, если он неизбежно вел во мрак?..

Когда стихал ветер, вокруг становилось удивительно тихо, даже слегка звенело в ушах. Чутко прислушиваясь, Бахарев надеялся уловить звук шагов Султана, который обязательно должен прийти сюда сегодня ночью. Если он не объявится, тогда и не знаешь что подумать, поскольку здесь не раз бывало так, что завербованный контрразведчиками агент уходил в горы и потом никто его больше никогда не видел – человек словно растворялся среди немислимых каменных громад, терялся, превращаясь в песчинку в безбрежной пустыне или каплю воды в океане. Но Султан оказался удачлив, дерзок и очень изобретателен: раз за разом он упрямо возвращался и приносил майору Бахареву из стана оппозиционеров весьма ценные сведения. Однако Юрий на этот счет не обольщался, прекрасно понимая – все до поры до времени. Такова уж стезя, по которой они шли. Его жизнь тоже подвергалась опасности, когда он приходил на тайные встречи: кто даст гарантию, что в заброшенном кишлаке не ждала засада? Султан мог выдать его под пытками или переметнуться на сторону единоверцев и, выторговывая у них прощение за грехи, отдать голову майора-урусча. Человек слаб, особенно перед лицом смерти.

Вообще тут все перемешалось, и идет самая натуральная гражданская война, а разобратся во многих тонкостях разногласий между лидерами оппозиции, и даже между оппозицией и правительством, русскому человеку далеко не просто. Даже ему, хорошо знавшему местный диалект и обычаи: когда Юрий был подростком, его отец служил здесь добрый десяток лет, а жена и сын всегда следовали за Бахаревым-старшим. Через год-другой загорелого, поджарого, коротко стриженного темноволосого Юрку уже с трудом отличали от местных мальчишек. Разве только по светлым глазам. Но и у коренных жителей тоже встречались светлые глаза.

Сходство сохранилось и сейчас: майор иногда этим пользовался, но с известной долей осторожности – если язык остался прежним, то в остальном слишком многое переменилось в этих краях. Он даже на всякий случай навел справки о друзьях-приятелях детских игр, но, как оказалось, одни разлетелись кто куда, а другие жили теперь далеко от тех мест, где действовал Бахарев. И все же...

Юрий зябко передернул плечами, поднял воротник теплой камуфляжной куртки и вновь открыл сумку: пожалуй, пора перекусить. Бутерброд с салом поможет согреться и скоротать время – все равно до рассвета нельзя уходить. Но что делать, если агент так и не появится? Списывать материалы на Султана в архив или упорно продолжать ждать новой встречи, веря в счастливую звезду этого изворотливого человека?

Доев, майор тщательно собрал крошки и отправил их в рот. Потом плотнее вжался спиной в угол стены из саманного кирпича и весь обратился в слух. Но мысленно он был далеко-далеко отсюда, в родной Москве, где он провел юность и встретил первую любовь. У

нее были золотистые волосы, большие серо-голубые глаза и очень красивые ноги. Она училась в той же школе, что и Юрка, только классом младше. Он узнал ее телефон и, набравшись смелости, позвонил. И они разговаривали как взрослые, на «вы», а потом договорились встретиться на углу Земляного вала и Якова-постольского переуллка, где висела афиша кинотеатра «Звезда».

Как это часто случалось, первая любовь закончилась ничем: они расстались, хотя продолжали еще некоторое время встречаться по окончании школы. Наверное, он струсил? Но ей вдруг страшно приспичило срочно выйти замуж, а он не был готов к роли мужа и отца семейства, да и жить-то им, в общем-то, было совершенно не на чего и негде – ни у него, ни у нее условия не позволяли создать хоть минимальный комфорт для молодой семьи. Видно, все в их отношениях зашло в тупик, и она первой решительно вырвалась из него.

Кто стал ее мужем и как сложилась их дальнейшая судьба, Бахарев не знал, хотя служебное положение позволяло ему знать и не такие подробности биографии различных людей. Но он не хотел. Для Юрия она осталась лишь как светлое и чуть-чуть горьковатое воспоминание о днях юности: так щекочущий ноздри пряный дымок сгоревших листьев напоминает о минувших днях золотого лета.

Потом он много встречался с другими девушками, быстро научившись покорять женские сердца. И женился вроде по любви, но, как оказалось, крайне неудачно, и через два года развелся. Вскоре одного за другим потерял родителей и теперь жил один в старой московской квартире. Скоро заканчивался срок командировки, и он вернется домой. Что без него станет с Султаном? Согласится ли он работать с другим сотрудником контрразведки, который примет его на связь? Хотя, чего загадывать, для начала нужно, чтобы Султан пришел...

Ближе к утру нестерпимо начала одолевать дремота, возникло желание плюнуть на все, обнять автомат, сунуть руки в рукава, поднять повыше воротник и соснуть хоть полчаса. Уже плохо помогал горячий кофе и не хотелось ничего вспоминать, а до рассвета оставалось еще долгих три часа. Потом предстояла нелегкая дорога до базы, где наконец-то можно принять горячий душ, рухнуть на койку и постараться напроць забыть все: первую любовь и бывшую жену, любые жизненные невзгоды и неудачи, равно как достижения и победы. Забыть, и полностью отдаться сладко одурманивающему сну.

Но что это? Кажется, на улице послышались легкие, крадущиеся шаги, и под чьей-то ногой осыпались мелкие камушки?

Вся дрема разом слетела, Бахарев подобрался, на всякий случай вставил запал в гранату и приготовил автомат – как знать, кто бродит ночью? Хорошо, если это тот, кого он ждет, а если нет? Недаром в народе говорят: ночь время бесовское, а тут разных бесов хватало и от них крестным знаменем не оборонишься.

Шаги приближались. Похоже, шел всего один человек. Юрий направил в сторону дверного проема ствол автомата, плотно сжал губы и негромко пискнул, подражая испуганной мыши. Шаги затихли, прошло несколько, показавшихся страшно долгими и томительными, мгновений и послышался ответный писк – это давал знать о себе Султан.

Вскоре в дверном проеме смутно мелькнула тень и шепотом позвали:

– Юрик-джон?

– Я тут, – откликнулся Бахарев. Ощупью отыскав протянутую руку осведомителя, он взял ее и усадил Султана рядом. – Кофе хочешь?

– Не откажусь.

Майор открыл сумку, сунул в ладонь агента пластиковый стаканчик и налил в него кофе из термоса. В холодном воздухе сразу же поплыл легкий, дразнящий ноздри аромат мокко. Юрий спросил:

– Ты проверился? За тобой никого? А то слетятся на запах, как стервятники.

– Кто за мной увяжется? – прихлебывая горячий кофе, самодовольно хмыкнул Султан. – Тем более, если путь лежит мимо ваших постов.

– Есть хочешь?

– Нет, спасибо.

– Откуда ты сейчас?

– С той стороны гор, – тихо рассмеялся осведомитель. – Меня там хорошо принимали, грех жаловаться, и угощали на славу. За это я гадал им по звездам и предсказывал судьбу.

– Астра регунте фатуос, сапиенс доминитбур астрос, – чуть нараспев произнес Бахарев.

– Что ты сказал? – не понял Султан.

– Это латынь, – пояснил Юрий. – «Звезды правят дураками, а мудрые – своими звездами».

– Правильно, – помолчав, согласился Султан. – Древние редко ошибались в таких вещах: у них была сильно развита интуиция. Принесенная вами сюда цивилизация уничтожила интуицию моих соплеменников, и они зачастую не ведают, что творят. Это страшно!

«Да, страшно и противоестественно, когда образованный человек вместо того, чтобы заниматься наукой или преподаванием, лазает по горам, добывая сведения для контрразведки, – подумал Юрий. – И многие собственные грехи они готовы списать на русских: цивилизацию, видишь ли, мы им сюда принесли и тем самым уничтожили интуицию первобытного человека. А не пришли бы мы во времена царизма, не прекратили бы бесконечные междоусобицы и не уничтожили бы работорговлю, то неизвестно, что бы тут случилось. Многие из тех, кто воюет друг с другом, могли бы вообще никогда не родиться. И сейчас, стоит нам уйти, как кто-то тут же займет освободившееся место, поскольку оно не может долго оставаться пустым в этом стратегически важном регионе. Но кто придет и что принесет?»

Вступать в философски-политические диспуты с агентом не было ни времени, ни желания: все равно каждый останется при своем мнении. Да и стоило ли затевать споры, способные испортить отношения? Они капля за каплей подточат и обрушат тот шаткий мостик доверия, который Бахареву с таким трудом удалось выстроить между собой и Султаном. Потому майор сделал вид, что не обратил внимание на замечание собеседника, и поинтересовался:

– Что новенького на той стороне?

– Затишье, как перед бурей, – осведомитель вернул пустой пластиковый стаканчик, и контрразведчик спрятал его в сумку: на месте встречи нельзя оставлять никаких следов. – Похоже, все чего-то ждут.

– Чего?

– Кто знает? Может быть, готовятся к новой крупной акции? По крайней мере в ставке Абдулкасыма я видел двух незнакомых людей в камуфляжных костюмах, свои лица они закрывали темными платками. Наверное, не хотели, чтобы их узнали, пусть даже случайно.

– Тебе удалось выяснить, кто они?

– Нет. Излишнего любопытства, как ты понимаешь, проявлять не стоило.

– Может быть, это новые военные инструкторы? – предположил Бахарев.

– Не думаю, – не согласился Султан. – Скорее их поведут на эту сторону хребта. Проводник уже знает дорогу. И я ее тоже знаю.

– Где они пойдут?

– Скорее всего, через Черное ущелье, по карнизу на склоне.

Черное ущелье? Там гостей неплохо встретить, а еще лучше взять живыми. Дислокация воюющих сторон здесь, в горах, частенько напоминала слоеный пирог с раскисшей начинкой, имевшей удивительную способность переползать с места на место: сегодня тут правительственные войска, а завтра, глядишь, уже боевики оппозиции. Только русские огневые точки постоянно оставались на своих местах и прикрывали стратегически важные

направления на границе. Куда пойдут незваные гости, если им удастся миновать ущелье? Потом ищи ветра среди мрачных и молчаливых каменных громад, умеющих крепко хранить тайны.

– Куда они нацелились? – спросил майор.

– Не знаю! – тихо рассмеялся осведомитель. – Но вот пойдут они, скорее всего, послезавтра, в самую темную ночь.

И то хлеб, что, хотя бы примерно, известно время перехода границы. Требовать от Султана слишком многого по меньшей мере неразумно – он и так проявлял завидную хитрость и изворотливость, являясь глазами и ушами Бахарева на той стороне хребта. К тому же осведомитель не только добывал сведения, но и изымал корреспонденцию из некоторых «почтовых ящиков»: тайников, в которые закладывали сообщения агенты, постоянно находившиеся среди боевиков и не имевшие возможности приходить на встречи с майором. Правда, к глубокому сожалению, таких людей было немного.

– Это тебе, – Султан сунул в руку Юрия затянутый шнурком небольшой полотняный мешочек с письмами из тайников: каждый осведомитель пользовался своим шифром.

Бахарев спрятал мешочек в сумку, вынул из нее перетянутую резинкой пухлую пачку денег и отдал ее осведомителю. Султан молча принял плату за нелегкий и опасный труд, и Юрий обрадовался тому, что он промолчал: ведь, по большому счету, сейчас заплатили за предательство, в какие бы благие одежды оно ни рядилось.

– Когда увидимся снова?

Осведомитель встал и в чуть забрезжившем сереньком свете раннего утра майор угадывал его поджарую фигуру с сумкой через плечо.

– Через десять дней. Если понадобится раньше, я дам знать: ты знаешь, где искать условный знак.

– Да, – кивнул Султан. – Через десять дней ночью я буду здесь.

Он повернулся и, неслышно ступая, вышел. Бахарев немного выждал после его ухода и тоже выбрался из дома. Вокруг царил тишина, даже ветер куда-то улетел, и оттого казалось теплее. Юрий начал спускаться по тропинке в долину, чтобы выйти на проезжую дорогу. Перепрыгивая с камня на камень, он подумал, что права старая французская поговорка, предлагавшая побеждать без опасности и торжествовать без славы – еще сотни лет назад как будто предвидели появление спецслужб, которым совершенно не нужна огласка: они давно молчат о победах и поражениях. Но, с другой стороны, рано еще думать о победе, а уж о торжествах по ее поводу тем более...

Разомлевший после парной, Александр Исаевич Дороган завернулся в простыню и развалился на мягком широком диване. Перед ним стоял стол с пыхтевшим электрическим самоваром, бутылками со шведской водкой и марочным вином, тарелочками с разными закусками и восточными сладостями, а с другой стороны стола восседал на таком же диване, несмотря на годы все еще поджарый и мускулистый, отставной генерал-лейтенант Георгий Кузьмич Шатуновский.

Дороган знал, что Шатуновский близок к некоторым лидерам оппозиционных фракций в Думе. Поэтому не очень трудно догадаться, что он недаром пригласил его попариться в недоступной для простых смертных баньке и посидеть за шикарным столом: Георгий Кузьмич жаждал получить от Александра Исаевича свежую информацию. Ну, на крайний случай, если не удастся получить свежую, то хотя бы перепроверить полученную ранее. Однако Шатуновский упорно не делал многообещающих авансов, и это злило Дорогана: что он ему, подзаборный алкаш, что ли, чтобы под хорошую водочку и маринованный огурчик развязывать язык? Дешево же его ценили господа оппозиционеры, слишком дешево!

Шатуновский налил в хрустальные рюмки водки и поднял свою до уровня глаз, словно хотел посмотреть через нее на Дорогана, как сквозь магический кристалл, проникнув в самые сокровенные мысли.

– С легким паром!

– И вам того же!

Александр Исаевич опрокинул рюмку в рот, закусил кусочком балыка и вспомнил, как Булгаков писал в «Собачьем сердце», что интеллигентный человек, выпивая водку, оперирует закусками горячими, а не холодными. Да откуда же теперь взять в людях интеллигентность, если вся страна, по большому счету, превратилась в лимиту?

– Что решил большой папа?

«Большим папой» Георгий Кузьмич называл президента, и Дорогана покорило от бесцеремонной напористости отставного генерала: хоть бы выждал для приличия некоторое время, прежде чем брать быка за рога. И он решил его немного подразнить.

– У нас же гласность, так сказать, свобода слова. Что об этом настроили писаки? Или они затупили перья?

– Гласность? – Шатуновский пососал дольку лимона и кисло скривился. – Это всего лишь синоним «огласки», – продолжал отставной генерал. – Свобода слова с нее начинается, но далеко не заканчивается! Тут играют важную роль не только отмена цензуры и получение каждым гражданином права учреждать средства массовой информации, но и реальная многопартийность и многое другое. А что на деле?

– Вот именно: что? – поддакнул Дороган.

– Узурпация власти, – вяло отмахнулся Георгий Кузьмич. – Если финансы в определенных руках, то в них же и средства массовой информации. Следовательно, та информация, которая может нас интересовать, становится недоступной. Гласности давно заткнули рот и свели ее на нет! Не считаете же вы гласностью сообщения об убийстве очередного деятеля или скандале среди поп-звезд? А информация из верхних эшелонов по-прежнему строго перепроверяется и дозируется в гомеопатических дозах. Поэтому я и спрашиваю: что решил Большой папа?

Александр Исаевич понял, – что если он опять увильнет от прямого ответа или промолчит, то отношения с отставным генералом и теми, кто стоит за ним, непременно будут подпорчены. Однако давать Шатуновскому сведения на халяву тоже как-то... И Дороган решил схитрить, как в детской игре «Вы поедете на бал?» И так, «да» и «нет» не говорите, черное и белое не называйте.

– Его прежнее решение не изменилось.

– Да, я слышал, – кивнул Георгий Кузьмич. – Впрочем, в некоторых кругах есть мнение, что его еще можно изменить?

– Вряд ли, – рассмеялся чиновник. Затеянная игра начинала его забавлять. – Президент упрям, и давление на него может оказать результат, противоположный ожидаемому.

– Президентов тоже меняют, – вновь наполняя рюмки, многозначительно заметил Шатуновский, – как и монархов. Даже легче во многих отношениях сменить президента, чем, скажем, короля.

– Как знать, – протянул Дороган. – Мировой опыт показывает: даже после смены человека на высоком посту все продолжало идти заранее предначертанным путем. Меняли Ганди в Индии и президентов в Штатах. А результаты? Где гарантии, что после решительных действий через определенный промежуток времени все не вернется на круги своя? Уж слишком заманчив популистский шаг, задуманный Большим папой.

«Уж не думают ли дурные головы о покушении на него? – с испугом подумал Александр Исаевич и ему стало жутко. – Если так, то всем каюк! Особенно при неудаче. Никого не

помилюют, а я, будто жертвенный баран, окажусь в одном стаде с этими паршивыми овцами. Нет, лиять отсюда, и поскорее!»

Но тут, словно подслушав его мысли, отставной генерал, сам того не зная, несколько успокоил собеседника.

– Это я так, можно сказать, чисто умозрительно, – объяснил он, и Александр Исаевич невольно вздохнул с облегчением. – Мы люди цивилизованные, и такой путь решения проблем нам не подходит.

«Хорошо, если не врет», – подумал Дороган и одним махом выпил водку. Обжигающей струей холодное спиртное прошло по пищеводу, и чиновник не стал закусывать, а закурил сигарету: хотелось слегка забалдеть и расслабиться, но Шатуновский сломал все удовольствие своей тупой армейской напористостью.

– Что творится у наших приятелей? Вы понимаете, о ком я?

Александр Исаевич прекрасно понимал и пожалел, что не кинул в рот ломтик лимона: тогда тоже можно было бы кисло скривиться.

– Представители оппозиции ищут контакты для ведения переговоров о сделке, а их обхаживают израильтяне. Кстати, и те, и другие наши бывшие соотечественники.

– Которые, не исключено, работают на Моссад, – желчно заметил генерал, – что за люди, мать их совсем?! То они смываются, то слезно просят обратно, а потом начинают курсировать туда сюда. Не успеешь облегченно перекреститься после их отъезда, как они снова тут... А где все эти контакты и переговоры вы сказали?

Дороган отлично помнил, что ничего не говорил о том, где обретается представитель оппозиции Южных Предгорий, но решил плюнуть на все: оттого, что он назовет место, особых изменений в сложившейся ситуации все одно не предвидится.

– В Стамбуле.

– У турок, стало быть? – Георгий Кузьмич задумчиво потер подбородок. – Когда пахнет большими деньгами, суннитские и шиитские распри забыты? Все братья-мусульмане объединяются против неверных... МОССАД держит переговоры под контролем?

В ответ Александр Исаевич лишь недоуменно пожал плечами: откуда ему знать подобные подробности? Он и так слишком многое дал из себя вытянуть, уже хватит даром кормить его информацией, надо бы и самому хоть что-то отсосать.

– Держит, я уверен! – Шатуновский энергично потер ладони. – Если не явно, то тайно, но держит! Слишком лакомый кусок болтается перед носом, чтобы не попробовать от него откусить.

– Предположим, вы правы. Ну и что дальше?

– У нас есть некоторые возможности скоординировать ситуацию. При удачном повороте событий вы получите свою долю комиссионных от суммы сделки.

Слышать о комиссионных всегда приятно, и настроение Александра Исаевича несколько улучшилось. Он налил себе водки и выпил, твердо решив, что эта рюмка на сегодня последняя: и так дал себе послабление, но как бы потом не хвататься за почки! Генерал вон еще какой здоровяк, будто лось, пьет и не пьянеет, только щеки покраснели – то ли от парилки, то ли от водки? Нет, лучше нарушать свои зарок в компании с Ульманом. Психологически комфортнее.

– Если эта сделка состоится, – вслух заметил Дороган.

– Состоится, – уверенно ответил Георгий Кузьмич.

– Вот только у кого с кем? И вообще зря у нас скинули монархию! Сейчас было бы меньше безобразия и вряд ли бы мы слышали о каких-то там республиках Южных Предгорий. Империя и колонии! Все! Большевики тоже не смогли вожжи в руках удержать, но, может быть, все еще вернется?

– Не вижу претендентов на престол, – мрачно буркнул отставной генерал.

– А этот, как его? Ну, Георгий из Испании. Кажется, он внук великого князя Владимира Кирилловича?

– Он не имеет права на российский престол! – Шатуновский даже рубанул ребром ладони по столу, отчего хрусталь тонко зазвенел.

– Отчего же?

– Его прадед, великий князь Владимир Кириллович, отказался от престолонаследия, чем лишил и потомков права сидеть на троне! А, кроме того, женитьба Владимира Кирилловича на разведенной Леониде Георгиевне, урожденной Багратион-Мухранской, успевшей побывать замужем за американцем Кирби, по законам империи так же лишает потомство права на престол. А кто был мужем их дочери, Марии Владимировны? Принц Франц Вильгельм Прусский, поэтому его сын Георгий является потомком германского императора Вильгельма, развязавшего Первую мировую. Какой он, к черту, Романов, да и вообще русский?! Полунемец-полугрузин, да еще прусский Гогенцоллерн! А вы хотите его короновать?!

– Помилуй Бог, я ничего не хочу, – словно защищаясь, выставил перед собой ладони Дороган. И с долей сарказма заметил: – А вы, оказывается монархист?! Не знал, что вы столь тонко разбираетесь в генеалогии династии Романовых.

– Приходилось заниматься этим вопросом.

– По службе? – с самым наивным видом уточнил Александр Исаевич.

– Не важно, – отрезал Георгий Кузьмич.

В роскошно мебелированном предбаннике повисла гнетущая тишина, и Дороган вдруг услышал, как урчал холодильник, хотя до этого совершенно не обращал на него внимания. Он налил себе полный фужер минеральной и жадно выпил – потерял воду в парилке, да и растворить-разбавить, пусть маленькие, но три рюмки водки, тоже не мешало. Нет, больше он не станет отступать от раз и навсегда жестко установленных для себя правил. Тем более, материальные блага тут только обещают, но не дают.

– Вопрос с участком земли, которым вы интересовались, вскоре решат положительно, – нарушил молчание Шатуновский.

– Спасибо, – Александр Исаевич начал одеваться и, застегивая на груди рубашку, подумал, что на прощание Кузьмич «золотил пиллюлю»: опять еще решат, да в скором времени. Надоело, когда тебя без конца кормят завтраками: вот положил бы перед ним бумагу на право владения участком, тогда совсем другое дело!

Распрощались они весьма сдержанно и не уламливались о новой встрече. Чиновник прошел к ожидавшей его черной «Волге» и сел на заднее сиденье. В стороне притулилась светлая «волжанка» отставного генерала, который сам любил сидеть за рулем. Воскресный день был в самом разгаре, и Александр Исаевич велел шоферу:

– На дачу!

За воротами, на шоссе, за его черной «Волгой» незаметно пристроились синенькие «жигули» с тремя мужчинами в салоне. Один из них взял рацию и передал:

– Сема! Тебе оставляем светлую. – И отключился от связи, чтобы, не дай бог, не засекали в эфире. Насчет этого полковник Чуенков дал самые строгие инструкции.

Григорий Маркин – глава фирмы «Ачуй», специализировавшейся на торговле рыбой и морепродуктами, – в криминальном мире столицы больше был известен по кличке «Колчак». Одни считали, что он получил ее за некоторое внешнее сходство с «Верховным правителем России», другие – что за бешеную жестокость, с которой отстаивал собственные интересы, и лишь немногие знали, что настоящая фамилия Маркина – Холчев, а от нее, по созвучию, появилась кличка «Колчак», а за ней и вторая, производная от первой, – «Адмирал».

Моря Григорий не бороздил никогда, если только, отдыхая на юге, катался на прогулочном теплоходе. Любую рыбу он рассматривал всего лишь как закуску и различал, преимущественно, по способу приготовления. Однако, обладая недюжинной деловой хваткой и

помня известное изречение, что все на свете преходящее и только одна жратва вечна, Колчак успел вовремя сориентироваться и прибрал к рукам пришедшую в упадок фирму «Ачуй».

Негласно он разделил ее на две неравные части. Одна, легальная, имела в своем составе специалистов-товароведов, коммерческих агентов и солидную бухгалтерию. Она заключала договоры на поставки продукции, упорно расширяла рынок сбыта и исправно платила налоги. Другая, о существовании которой даже не подозревали занятые в легальном бизнесе, замыкалась непосредственно на самого Маркина-Холчева и выполняла поручения весьма специфического свойства. Естественно, эти люди в штате фирмы не числились и заказать их услуги можно было только лично через Колчака, свято соблюдавшего правила конспирации, которые еще в юности преподавали ему старые урки.

От соблюдения норм поведения и многих законов криминального мира Григорий давно отказался – времена изменились, и не меняться вместе с ними означало лишь неминуемую гибель! Да и к чему выделяться из общей массы бизнесменов? Поэтому Маркин особенно не шикавал, но и старался не плестись в хвосте: имел приличную квартиру в престижном районе, ездил на иномарке среднего класса, благоразумно отказавшись от всяких там «мерсов», сожительствовал с симпатичной парикмахершей из модного салона, носил дорогие костюмы и золотой перстень с черным агатом. Сделанные в молодости татуировки он вывел, заплатив за операцию бешеные деньги, но шрамы все равно остались. Зато больше не сверкал своими разводами с русалками, змеями и куполами церквей, а вновь отправляться в зону и демонстрировать там свой статус в воровском мире Колчак не собирался.

Его самой заветной мечтой было как-нибудь изловчиться и через надежных людей убрать из архивов МВД все данные о себе. Раз и навсегда! И стать чистым, как стекло. Тем более, он давно превратился в Маркина и уже начал забывать про уголовника Холчева, а кто из старых дружков-приятелей напомним об этом, после пусть пеняет на себя! Пока таких желающих не находилось, но Григорий знал: стоило только раз где-то оступиться, как они непременно отыщутся. И тогда вертись, как медведь, обложенный собаками – рвать начнут все: свои и чужие, чтобы успеть что-то унести в зубах, пока затравленному не перегрызли горло.

Поэтому, пока все тихо, он упорно готовил пути отступления: переводил деньги в надежные банки на Западе. Естественно, это был «черный нал», полученный при нелегальных операциях.

Конечно, услуги посредников обходились недешево, но игра стоила свеч! И еще постоянно приходилось заботиться о безопасности. Главное, чтобы в состав легальных сотрудников не затесался чужой стукачок: за этим Колчак бдительно следил, не жалея средств, по много раз перепроверяя всех и каждого. Зато в отношении коммерции все получалось как нельзя лучше, и специалисты его искренне уважали, как финансового гения. Иногда Маркин даже подумывал, а не бросить ли все к чертям, не уйти ли целиком в торговлю рыбой? Глядишь, нервы будут целее, и жизнь спокойнее, а что касалось денег, то тут как сам развернешься. Однако эти мысли быстро уходили: он прекрасно понимал – лишь начни рвать старые связи, как начнут рвать тебя. Нет, лучше через некоторое время исчезнуть, растворившись, словно призрак, не оставить следов: ни для ментовки, ни для бывших дружков!

Сейчас Григорий сидел в своем кабинете в офисе фирмы, располагавшемся в здании одного из бывших старых гостиничных комплексов, и ждал некоего Финка, получившего в среде криминальных воротил прозвище Щапа.

Финк не был ни вором, ни мошенником, однако имел к преступному миру самое непосредственное отношение, являясь признанным ловкачом-защитником, выступавшим на многих громких процессах. Щапа умел найти нужных людей и, дав крупную взятку, лихо подмазать где следует. Как истый крючкотвор, он цеплялся за любую шероховатость, не замеченную следствием, и выворачивал все показания наизнанку, одновременно успевая

перекупить свидетелей. Связи у Финка были удивительно широкими – от воров в законе до заместителей министров, поэтому он недаром считался непревзойденным посредником в разного рода сомнительных сделках. К тому же Щапа обладал умением крепко держать язык за зубами.

Вчера вечером он позвонил Маркину и попросил о встрече. Зря правовед никогда никуда не ходил и не ездил, считая излишним тратить время по пустякам, поэтому Григорий тут же согласился с предложением встретиться, и они обговорили время. В приемной у Колчака кроме секретарши на всякий случай всегда сидели двое крутых парней, выполнявших роль телохранителей хозяина, но они знали Финка в лицо, и потому он не стал предупреждать их о его визите.

Настенные часы показали ровно три, и тут же в кабинет без стука вошел Щапа – высокий, худощавый, с уже тронутыми сединой вьющимися русыми волосами. У него было узкое лицо с тонкогубым ртом под иссиня-черными усами. Колчака всегда живо интересовало: красит адвокат усы или нет? Если нет, то отчего голова у него русая, а усы черные?

– Привет, Гриша! – Финк протянул Маркину узкую ладонь и уселся в кресло, подпернув на коленях тщательно отглаженные модные брюки.

– Здорово, Серега, – Колчак подвинул к адвокату резную шкатулку с сигаретами и пепельницу. – Кури, твои любимые.

– «Ротманс»?

Правовед открыл шкатулку, выбрал сигарету и закурил. Выпустив дым из ноздрей, он иронично прищурился на муляж осетра на полке и пылившиеся в шкафу книги по ихтиологии.

– Как торговля?

Финк знал о Колчаке-Адмирале если не все, то почти все, однако за долгие годы их знакомства – с первого процесса, после которого Маркин-Холчев на несколько лет отправился в зону, – адвокат ни разу даже не намекнул о своих познаниях и крепкой памяти. Только иногда загадочно улыбался, и это бесило Григория больше, чем любые воспоминания о том, что он так страстно хотел навсегда похоронить. Но Колчак сдерживался, понимая: ссориться и портить отношения с Финком крайне невыгодно. Это все равно, что испортить отношения с половиной города.

– Нормально, – буркнул Маркин, но тут же заставил себя улыбнуться и пошутил: – А ты никак за рыбой приехал? Справляешь чего, или юбилей приспел?

– Зачем мне рыба? – Щапа небрежно отмахнулся. – Соленое или копченое вредно для здоровья. В моем возрасте начинаешь больше интересоваться теориями сохранения молодости, чем копчушкой и пивом. Кстати, у тебя тут чисто?

Он быстро пробежал глазами по стенам и потолку, словно пытался выискать там скрытый миниатюрный микрофон или глазок телекамеры. Зная, что Финк просто болезненно помешан на сохранении секретов, – видно, к этому приучила профессия, – Маркин поспешил его успокоить.

– Не волнуйся. Недавно проверял и электронные сторожки поставил: если какая гадость появится, они немедленно поднимут тревогу. Говори спокойно: что у тебя?

– Заказ! – Адвокат раскрыл кейс и подал Колчаку плотный конверт. Тот раскрыл его и достал лист бумаги с несколькими машинописными строками. Кроме него в конверте оказались фотографии трех разновозрастных мужчин.

Григорий разложил их перед собой, пристально вглядываясь в лица: нет, никто из них не знаком, а память его еще ни разу не подводила. Прочитав написанное на листке, он причмокнул губами, как бы сожалея, и, помолчав, спросил, тяжело бросив всего одно слово:

– Когда?

– Клиент просил быстро и так, чтобы сильно впечатлило противную сторону. Понимаешь?

– Да.

– Это возможно?

– Вполне. Сколько нам отводят времени?

– Недели хватит?

– Должно хватить, но...

– Что «но»? – Финк недоуменно поднял брови. – Какие могут быть «но», Гриша? Я тебя просто не понимаю, поверь!

– Я верю, – поспешил заверить Маркин. – Однако мы начнем не раньше, чем деньги поступят в известный тебе банк. Это мое золотое правило.

– Знаю, знаю, – перебил Щапа, вновь открывая кейс. – Я привез задаток наличными. Вот!

Он положил на стол несколько пухлых пачек стодолларовых купюр, стянутых аптекарскими резинками. Колчак медленно подгреб их к себе и подравнял: в конце концов можно взять и наличность, но кто знает, что за клиент у Щапы.

– Хорошо, – вслух сказал он. – Но деньги надо проверить!

«Вот козел! – выругался про себя Финк. – Доллары ему, видите ли, надо проверять. Впрочем, это не долго и не стоит комплексовать по пустякам. Главное, чтобы он и его люди сделали дело!»

– Проверяй, – с деланным равнодушием согласился адвокат. – Может быть, пока ждем, хоть чаем угостишь?

– Ради Бога! – засиял радушной улыбкой Маркин. Он вызвал одного из дежуривших в приемной парней, отдал ему доллары и шепнул: – Разыщи Васина и срочно его ко мне!

Пока пили чай, болтали о всякой ерунде и вспоминали общих знакомых, Григория подмывало пощупать правоведа насчет заказчика, однако он воздержался.

Вскоре в кабинет заглянул телохранитель и кивком дал понять, что с долларами все в порядке.

– Ну, я поехал, – поднялся Финк. – Не забудь, неделя сроку!

– Не сомневайся, – солидно ответил Маркин, провожая гостя до дверей.

Примерно через полчаса появился как всегда элегантно одетый Васин – невзрачный жилистый мужчина неопределенного возраста с маленькими светлыми глазками на загорелом лице.

– Здравствуй, Женя, – жестом предложив ему присесть у стола, Колчак сразу же перешел к делу. – У тебя загранпаспорт в порядке?

– Как всегда, – гость закурил из шкатулки хозяина и, в свою очередь, поинтересовался. – Что, есть работенка за рубежом?

– Да, нужно срочно выехать в шоп-тур. – Маркин перекинул ему через стол полученный от Щапы конверт. – Ознакомься! Подъемные и аванс получаешь сегодня, все остальное, что тебе необходимо, возьмишь на месте.

– Куда лететь?

– В Стамбул, Женечка, в Стамбул...

Глава 2

Пост боевого охранения российских войск под кодовым наименованием «Плутон», располагался на высоте более двух тысяч метров. В иллюминатор вертушки, делавшей круг над вершиной горы, Бахарев увидел прятавшиеся среди нагромождения камней три блиндажа и тянувшиеся сотни на полторы метров, с превеликими трудами выбитые в здешней почве траншеи в полный профиль. Садиться рядом с постом было смертельно опасно – за время долгой, по восточному неторопливой и странной войны, то тлевшей, то разгоравшейся с полной силой, противники успели наштапковать все склоны минами, а карт минных полей не существовало в природе, поскольку никто не смог бы учесть все смертоносное железо, пластик и взрывчатку, предназначенные для уничтожения человека, созданного по образу и подобию Божьему: достаточно бросить на склоны пустую консервную банку, чтобы она, покатавшись, через несколько секунд задела за минную растяжку и прогремел взрыв.

На «Плутоне» постоянно находилось тридцать пять рядовых и четыре офицера. Наверное, кто-то в штабах обладал черным юмором, когда предложил присвоить постам боевого охранения кодовые наименования планет: действительно, люди здесь жили, почти как в космосе. Вооруженные пулеметами, станковыми гранатометами и минометами, имея целый склад боеприпасов, они летом жутко страдали от жажды, а зимой от холода, потому что негде взять топлива, и постоянно испытывали голод из-за нехватки продуктов – по мнению начальства боеприпасы куда важнее, чем вода, пища и горючее.

Кстати, с ума здесь можно сойти значительно быстрее, чем в открытом космосе: попробуй, месяц за месяцем жить в постоянном нервном напряжении, под обстрелами, среди одних и тех же людей на пятачке земли, продуваемом такими ветрами, что они запросто уносили человека, а любой флаг минимум за две недели превращали в ничто, как будто его и не было. И некуда пойти, разве только, держась за протянутую веревку, из блиндажа в блиндаж, где такой же накат над головой, все те же коптилки, керосиновые лампы и приклеенные на стену около нар картинки из цветных иллюстрированных журналов. Естественно, вырезали только фото красивых женщин.

Вертолет накренился, и Юрий увидел красноватые склоны гор, местами покрытые не таявшим круглый год снегом, и уходящее далеко вниз длинное и широкое Черное ущелье. Оно считалось ничейной землей, как бы своеобразной нейтральной полосой шириной в несколько километров. Неоднократно пограничные десантно-штурмовые группы ходили на нейтралку, всеми силами стараясь закрепиться там на господствующих высотах, но каждый раз, проклиная все на свете, с потерями откатывались назад – удержать эти насквозь простреливаемые высоты не было никакой возможности.

Сидевшим на «Плутоне» засчитывали выслугу день за три и выписывали двойной оклад, который по столичным меркам показался бы просто смехотворным. Но тем, кто ворожал огромными суммами в долларах и раскатывал на шестисотых мерседесах, никогда не удастся понять тех, кто, зарывшись в скалистый грунт, быстро привыкал считать потенциально опасным все, что двигалось в пределах досягаемости артсистем и стрелкового оружия, постоянно экономить воду и в считанные секунды занимать отведенное боевым расписанием место. Без этого тут просто не выжить. Постоянно находясь ближе к небу, к Создателю, среди громад и в постоянной опасности быстрее познавали истинные ценности жизни и начинали осознавать, что они заключались отнюдь не в баксах и «мерсах».

Вертолет на мгновение завис над маленькой каменистой площадкой, потом осторожно коснулся ее колесами, вздрогнул под резким порывом ветра, сбросил обороты винта и замер. Бахарев открыл дверь и, придерживая рукой шапку, чтобы не унесло ветром, спрыгнул на

камни. Летчики уже готовились выгружать доставленные ящики и двадцатилитровые фляги: им не хотелось задерживаться в неприятном и опасном месте.

Около машины сустились солдаты с обожженными горным солнцем, обветренными лицами. Безошибочно определив командира по черной вязаной шапке – во всем остальном он мало чем отличался от подчиненных, – Юрий шагнул к нему и протянул руку.

– Я привез вам воду и «белые носки».

«Белыми носками» на радиокоде называли водку, которой на посту не получали уже несколько месяцев. Зная об этом, Бахарев специально обивал пороги начальственных кабинетов, прекрасно понимая, что прибыть вместе с «белыми носками» – это уже половина успеха и ему окажут самый теплый прием. И он не ошибся.

– Спасибо, друг! – Командир по-медвежьки облапил его и потянул за собой, в блиндаж. Там показал, где положить вещмешок и автомат, потом приказал принести с кухни котелок борща и, наконец, представился. – Павел.

– Юрий, – Бахарев пожал его мозолистую ладонь. – Вы получили радиogramму?

– Конечно. Да ты ешь!

Он поставил перед майором полный котелок наваристого борща, положил толстый ломоть свежего ржаного хлеба, – успели выгрузить из вертушки присланные буханки, – и алюминиевую ложку. После перелета и нещадной болтанки есть не хотелось, но отказаться означало смертельно обидеть хозяев. Но тут над головой раздался странный гул, со свистом, а потом где-то далеко глухо ухнуло.

– По заставе бьют, – объяснил командир. – Она там, за перевалом. Вот они из-за гор и лупят. Полсотни снарядов выпустят и успокоятся на некоторое время, а потом опять начинают. Беспокойные, черти!

– Вам тоже перепадает?

– А как же? Особенно когда их караван прищучим: у меня круг лые сутки ребята ведут наблюдение. Только они с оружием собираются переправляться на нашу сторону, так мы их из станковых гранатометов, а если сами не достаем, то передаем координаты и бьют дальнотбойники или прилетает авиация. Поэтому мы у них словно прыщ в самом интересном месте.

Он весело захохотал, показав ровные белые зубы и, внезапно оборвав смех, грустно сказал:

– А вообще зря их чурками выставляют. Воевать мы их сами, дураки, научили. Знаешь, какая тут баня, если прорывается группа боевиков человек в семьдесят?

Юрий молча кивнул. Ему ли не знать, что спецназ сопредельного государства, – печально знаменитых «Черных аистов», – во время «нерушимой дружбы между народами» натаскивали лучшие специалисты Главного разведывательного управления нашей армии. А теперь «аисты» не жалея времени и средств натаскивали единоверцев из боевых отрядов оппозиции.

С трудом доев борщ до конца, – с провиантом здесь туго, – Бахарев отставил пустой котелок и поблагодарил командира.

– Куришь? – прищурился Павел.

– Нет, – Юрий отрицательно мотнул головой. – Не приучился.

– Ну и правильно, – одобрил командир поста. – А я бросил: курящим здесь лихо, особенно если нет погоды и паек не подбрасывают. Лучше перемучиться пару-тройку месяцев, чем всю дорогу страдать, а?

Он весело хлопнул гостя по спине и предложил пойти поглядеть на место действия. Они вышли из блиндажа и спустились в траншею.

– Где они пойдут? – наводя на ущелье стереотрубу, негромко спросил Павел.

– По Черному ущелью.

– Здесь все, что перед тобой, и есть Черное ущелье. Где конкретно, знаешь?

– По карнизу на склоне. По крайней мере собирались там, но в последний момент могут изменить маршрут.

– Они все могут, – зло процедил командир. Он наставил трубу и уступил место гостю. – Вон, любуйся на свой карниз.

Бахарев приник к окулярам и увидел иссеченные ветром красноватые громады скал с наметенным в расщелины сором и нарастающим снегом. По краю скал, на приличной высоте, тянулся широкий уступ: по нему свободно мог проехать всадник.

– Другого карниза нет?

– Я не знаю, а насчет них, – Павел показал на горный хребет, – не ручаюсь. Сколько их будет?

– Неизвестно, но думаю не много: они хотят пройти без лишнего шума. Можем устроить там засаду?

– Анчигина! Сумасшедший, как говорил мой сосед-грузин, – Командир выразительно покрутил пальцем у виска. – Туда добираться по горам примерно шесть часов, да через минные поля. Соображаешь?

– Соображаю, – уныло откликнулся Юрий. Если раньше у него еще теплилась надежда как-то исхитриться взять боевиков живыми, то теперь она рухнула: все будут решать пулеметы и снайперы. Вот если подстрелить кого-то из незваных гостей, а потом вытащить оттуда? Один шанс из тысячи, но отчего не попытаться счастья? Ведь встречать их на выходе из ущелья бесполезно: там, у боевиков, будут уже сотни дорог и они затеряются среди гор. Да и как добраться до края ущелья? Значит, только здесь!

– Ты проходишь через мины знаешь?

– Так, пару тропок, – поскущел Павел. – Иногда приходилось спускаться за водой, если вертушки долго нет. Но учти, это очень опасное дело. Пойти можно, а вот вернуться...

– Ладно, посмотрим.

Они вернулись в блиндаж, и командир распорядился пока не вскрывать «белые носки», поскольку ночью или вечером, а то и под утро может предстоять дело. Наблюдение за ущельем усилили, Павел отлучился по неотложным делам, и вместо него гостя занимал старший лейтенант Севостеев – рыжеватый молодой парень, родом из подмосковного городка Железнодорожный. Узнав, что Юрий москвич, он оживился и начал расспрашивать, как жизнь в столице. Бахарев, как мог, удовлетворил его любопытство, однако о том, что полгода не видел родного дома, привычно умолчал.

Потом вернулся Павел, и все вместе поужинали. Кстати, вой снарядов над головой прекратился – наверное, боевики совершали вечерний намаз. При свете керосиновой лампы по стенам блиндажа металась черная, причудливо изломанные тени, и время тянулось ужасно медленно, поэтому, когда раздался писк полевого телефона, Юрий даже встрепенулся. Звонил наблюдатель из траншеи: на карнизе заметили движение.

– Пошли! – командир подхватил автомат и первым выскочил из блиндажа. Бахарев поспешил следом.

Высоко в черном небе слабо мерцали звезды: ночь уже полностью вступила в свои права, призвав в союзники темноте жгучий ледяной ветер и холод. В траншее показалось немного теплее, или просто не доставал пронизывающий ветер? Командир подскочил к наблюдателю, отстранив его, сам приник к прибору ночного видения.

– Где они?

– Левее смотрите, – простуженно просипел наблюдатель. – К каменному носу идут.

В каждом секторе обстрела имелись свои ориентиры, которым солдаты дали меткие прозвища. Еще днем Бахареву показали, где «каменный нос», а где, например, «дом». Если боевики не дошли до «носа», значит, они еще на первой трети тропы.

Павел отстранился от окуляров, давая возможность посмотреть майору. Юрий жадно взгляделся в зеленовато-мерцающий сумрак и увидел призрачные тени, бесшумно скользившие над пропастью. Наверняка, из-под ног у них сыпались камешки, а с губ срывались глухие проклятья, но отсюда они казались безмолвными, даже нереальными. Сколько их? Раз, два, три... семь! Но кто из этой семерки загадочные люди в камуфляже?

Что делать, срезать их пулеметным огнем, оставив тела на поживу стервятникам? Но какой толк от трупов, настигнутых свинцом? Впрочем, есть ли иной выход?

– Их семь, – Бахарев повернулся к командиру поста. – Мне они нужны живыми.

Павел в ответ лишь неопределенно пожал плечами, как бы желая сказать: свои причуды, как у богатенького дядюшки из Штатов, но он лично потворствовать им совершенно не намерен. Даже если это обернется для него серьезными неприятностями.

– Дадим пару очередей трассирующими, – после паузы предложил он. – Покажем, что они отрезаны и спереди, и сзади. Положим мордами в камни, а как рассветет, подумаем, что дальше.

– А если они полезут вверх?

– Невозможно, – отрицательно мотнул головой командир. – Да ты пойми, нам просто больше ничего не удастся сделать! Днем мы их попробуем заставить слезть с карниза и сдаться.

– Все теми же трассерами? – обреченно спросил Юрий, вполне справедливо сомневаясь в успехе этого предприятия.

– А чем еще? – сердито буркнул Павел. – Если только врезать из станкового гранатомета? Эй, Лактионов, обозначь-ка им коридорчик!

Пулеметчик в надвинутой на глаза шапке с опущенными наушниками и надетой поверх нее каске, прицелился и передернул сухо лязгнувший на холоде затвор...

На ту сторону горного хребта Гафур отправился с тяжелым сердцем: мучили неясные дурные предчувствия, не дававшие покоя, заставлявшие нервничать и постоянно думать о плохом. Но отказаться от похода никак невозможно, и во второй половине дня они вышли в путь. Незнакомцы в камуфляже, которых Гафур впервые увидел у Абдулкасыма, держались спокойно и уверенно, шагали легко и, судя по всему, не обещали стать обузой.

Постепенно ритм ходьбы и привычные унылые пейзажи принесли определенное успокоение и дали душе покой равновесия, которого она так ждала, и Гафур повеселел. Рядом с ним шагала Хадыр, держа на широких плечах ручной пулемет. Верзила негромко мурлыкала тягучую мелодию без слов, и это, как ни странно почему-то вселило в Гафура уверенность, что его страхи совершенно напрасны и все обойдется – прошел же по тропе юродивый?

Абдулкасым предлагал подбросить группу поближе к ущелью на машине, чтобы сэкономить силы и время, но боевик отказался, не забыв выразить сердечную благодарность за заботу. Ехать на машине не имело смысла: потом придется лезть вверх по горам, затем спускаться вниз. Так только потеряешь время и потратишь больше сил, чем отправившись пешком. Конечно, хорошо бы перелететь на ту сторону на вертолете: никаких забот и не бить ноги, а приземлиться можно где хочешь. Но вот долетишь ли – проклятые капыры сбивали вертушки боевиков, которых у них было не так уж и много и, постепенно, от их использования вообще пришлось отказаться.

К ущелью, как и рассчитал Гафур, вышли перед наступлением сумерек – казалось, солнце еще высоко стояло в небе, но люди знали: скоро оно скроется за вершинами гор. И тогда в свои права вступит ночь, а с ней придет холод и ледяной ветер, способный моментально пронизать до костей. Быстро стгустится темнота, и слабый свет звезд не поможет путникам найти верную дорогу. Сегодня даже луны не будет.

Перед спуском в ущелье устроили привал. Пока они были невидимы и недостижимы для оружия урусча, чьи посты прикрывали ущелье, развели костер и перекусили. Вскоре

стемнело и ощутимо потянуло прохладой. Пришлось одеться потеплее. Хадыр первым поднялся и взял пулемет. Гафур без лишних слов затоптал костер, поставил незнакомцев в середину цепочки и повел маленькую группу вниз.

Шли молча. Царившую вокруг тишину лишь время от времени нарушал шорох осыпавшихся из-под ног мелких камешков да натужное сопение пулеметчика – при переходах через границу у него всегда закладывало нос, а потом, когда опасность минует, отпускало. Конечно, Хадыр глуп и упрям, словно ишак, зато отлично стрелял, уважителен и неприхотлив: никогда не жаловался, не выражал неудовольствия сварливым ворчанием и послушно выполнял, что прикажут. Любой командир мог только мечтать о таком подчиненном.

Урусча наверняка не спали – где-то в кромешной тьме на другой стороне ущелья, на скалистой вершине горы притаился их пост. Сколько раз по нему била из-за гор артиллерия, стараясь разнести, размолотить в щебень, но после обстрела, словно по волшебству, с вершины горы опять взлетали ракеты и строчили пулеметы. Капыры оказались упорными и стойкими, они не уходили и не давали себя застать врасплох. Но если их нельзя убить, то, наверное, можно обмануть: ведь удалось же это дивана? Так отчего не должно удастся и Гафуру и его людям? Сейчас будет каменный выступ, похожий на человеческий нос, а это означало, что пройдена первая треть нелегкого пути...

Пулеметная очередь из красных и белых трассирующих пуль ударила буквально в метре перед ногами Гафура, осыпав его мелкой каменной крошкой. Пули с тупыми щелчками ушли на рикошет, но, по счастью, никого не задел. И тут позади группы ударила вторая такая же очередь. От неожиданности боевик сначала присел, потом быстро ткнулся носом в тропу – проклятье, раздери шайтан этих капыров, они все-таки засекли их! Может, попытаться двигаться вперед? Вдруг им повезет и удастся выбраться из зоны обстрела?

Однако внутри что-то подсказывало: нет, это далеко не случайность! Они оказались в огневой западне и выбраться без потерь из смертельного мешка, затянутого трассирующими очередями пулеметов урусчи, не удастся. И от страха сердце сжимало такой тоской, что впору во весь голос завывать, как дикий зверь, угодивший в капкан. Но что в том толку?

Приказывать залечь не понадобилось – боевики и незнакомцы в камуфляже, не дожидаясь новых очередей, всем телом вжались в камень. Ответить урусчи из автоматов было бы несусветной глупостью: все равно не достать, а если и достанешь, так не попасть. Хадыр передернул затвор пулемета, но Гафур остановил его:

– погоди! Не стоит им давать ориентир.

– Какой ориентир? – зло бросил один из незнакомцев в камуфляже. – Они наверняка видят нас в приборы. Ты завел нас сюда и предал капырам!

– Помолчи! – презрительно бросил Гафур, не желая затевать ненужную свару. Опасность на некоторых действует так, что они теряют всякую способность нормально соображать. Но тем не менее слова о предательстве упали на благодатную почву и крепко засели у него в голове.

– Если бы я предал, – продолжил он, – зачем мне тогда идти с вами?

И тут над ними выбила щебень из горы еще одна длинная очередь. Второй незнакомец грубо выругался и спросил:

– Что ты намереваешься предпринять?

– Попробуем двигаться ползком, – ответил Гафур. – Может быть, выберемся из зоны обстрела?

– Вряд ли... Они могут прижать нас и держать до утра, а на рассвете вызовут вертолет и снимут тепленькими.

– Не вызовут, – шмыгнул носом Хадыр. – Вертолеты тут не летают. Его собьют!

– Дурак! – разозлился первый незнакомец. – Кто его собьет, ты, что ли?

– Хватит! – зло крикнул Гафур и первым пополз вперед. Каждую секунду он ожидал новой очереди, но пока было на удивление тихо.

«Вдруг обойдется?» – мелькнула мысль и тут же ушла, поскольку впереди, загораживая дорогу к спасению, ударила трассирующая очередь. Урусчи как бы говорили боевикам: сидите тихо, как мыши в ловушке, и не дергайтесь!

Гафур перевернулся на спину и неожиданно подумал, что в эту ловушку их мог заманить дивана – ведь именно юродивый рассказал про карниз и даже точно угадал время вывода группы. Тем более, он потом исчез из кишлака. Но, кто знает, вдруг это совсем не он, а просто сыграло роль стечение обстоятельств, их несчастливая судьба или довлевшее над кем-то из незнакомцев проклятие – всякий, кто свяжется с таким человеком неминуемо угодит в смертельную западню. Кismet! А с Книгой судеб смертному спорить не дано!

Вновь ударили по камням очереди: спереди и сзади, словно захлопывая невидимую коробочку. Уйти ползком тоже не удалось, и надежда на спасение стала призраком.

– У-у! Шайтан! – заорал Хадыр и застрочил из пулемета. В унисон затрещали автоматы боевиков, а с поста урусчи густо полетели разноцветные шмели трассеров, неумолимо стягиваясь к тому месту, где залегли нарушители границы.

Гафур понял: это начало конца! Теперь люди обезумели и никто не станет слушать его команд. Осталось лишь несколько мгновений: если еще и был шанс уцелеть, не открывая ответного огня, то теперь Хадыр навсегда перечеркнул его очередью по урусчи. Попал он или нет не имело никакого значения, поскольку здесь свои законы и на выстрел отвечают выстрелом. Боевики не захотели принять предложенные капырами правила игры, и за это должны умереть. Однако Гафур умирать не хотел!

Сжавшись в комок, проводник бросил вперед жилистое тело и оказался за небольшой грудой камней, осыпавшихся с каменного «носа» – услужливая память, обострившаяся в момент смертельной опасности, напомнила ему об этих камнях, способных хоть как-то защитить от пуль. Подтянув колени к животу и прикрыв голову автоматом, боевик старался стать как можно меньше, чтобы полностью поместиться в укрытии. И вовремя.

Урусчи не шутили. Они обрушили на карниз ливень свинца, и пулемет Хадыра быстро захлебнулся, словно ему забили кол в глотку, а следом замолкли автоматы. В наступившей тишине кто-то протяжно стонал, но Гафура это мало трогало – он не собирался оказывать раненому помощь. Это значило бы расстаться с собственной головой, а она всегда неизмеримо дороже, чем чужая. Надо благодарить Аллаха, он явил великую милость, и ни одна пуля не задела проводника: они только чиркали по камням да страшно стучали над головой.

Стоны раненого раздражали, однако Гафур старался не обращать на них внимания: подумаешь, постонет, да и перестанет – потеряет сознание или замерзнет и вскоре его душа полетит в рай. Лучше подумать, как спастись самому! Судя по всему, из всей группы уцелел он один, а нужно не только уцелеть и дотянуть до рассвета, но и выбраться из смертельной западни. Плен Гафура прельщал мало, и попадать в руки урусча ему не хотелось.

Конечно, сейчас для него первое дело просто набраться неистощимого терпения и затаиться на несколько часов. Пусть мерзнет спина, пусть в неудобной позе затекают руки и ноги, но это лучше, чем быть обнаруженным. Нетерпеливого караулит безжалостная смерть! Внимание наблюдающих за тропой урусчи не бесконечно: они тоже люди со всеми присущими им пороками и недостатками. Они тоже устают, хотят покурить или отлучиться по нужде, а самое главное, они должны убедиться – здесь не осталось живых! Тогда их внимание неизбежно притупится, а Гафуру только этого и нужно: в нескольких шагах впереди каменный монолит рассекала глубокая трещина – узкая снаружи, она расширялась внутри и шла почти до гребня горы. Забраться в нее, забиться поглубже, потом подняться выше, и, может быть, тогда Аллах дарует ему спасение.

С поста дали по карнизу еще несколько очередей, и стоны раненого прекратились. Гафур, не меняя позы, скорчившись в три погибели, лежал за каменной осыпью, всеми силами стараясь унять охватившую его дрожь – то ли от пронизывающего ветра и ночного холода, то ли от страха, что крупнокалиберные пули урусча разнесут кучку камней и тогда точно конец. Или, чтобы разом покончить с надоевшим делом, ударят из станкового гранатомета и рухнешь вниз вместе с куском тропы. Вернее, вниз полетит уже только твоя разорванная на части взрывчаткой оболочка. Хорошо, если душа воспарит, а если нет?

Больше не стреляли. Боевик осторожно повернул голову и начал следить за звездами, пытаясь по их движению определить ход времени. Пошевелиться и поглядеть на часы он не решался: за тропой могли наблюдать не только пулеметчики, но и снайперы. Кто знает, чьи пули скосили боевиков – выпущенные из пулемета, или выстрелы снайперов, действовавших под прикрытием пулеметных очередей?

Ждать пришлось долго, очень долго. Иногда Гафуру казалось, что он уже успел превратиться в камень и затекшие, онемевшие от холода члены никогда больше не станут ему повиноваться, но жажда жизни оказалась сильнее, и, когда звезды показали, что рассвет уже близок, боевик со стоном начал распрямляться. Восстановив кровообращение, он ящерицей дополз до расщелины и, жарко дыша, ежесекундно ожидая разящего выстрела, протиснулся в каменную щель. Обдирая до крови руки, полез по ней вверх, упираясь спиной и ногами в противоположные края. Он знал: здесь его пули не достанут, но ликовать и праздновать победу еще рано. Надо доползти до маленькой пещерки в стенке каменного колодца и переждать там светлое время суток, а в сумерках уходить. Урусча могут не успокоиться и прислать вертолет или вновь начнут обстрел тропы, но в пещерке его не найдут и не достанут: мало кто знает о ее существовании.

Вот, наконец, и пещера. Протиснувшись в неровную нишу, где с трудом мог поместиться человек, Гафур облегченно перевел дух и открыл сумку: теперь можно съесть кусок лепешки и выпить глоток воды. Утолив голод и жажду, он почувствовал себя в относительной безопасности, обнял автомат и задремал.

Разбудил его громкий стрекочущий звук. Боевик осторожно выглянул, но все вокруг закрывали камни. Если слух его не обманывал, к тропе приближался вертолет. Значит, Гафур не ошибся в мрачных предположениях и их здесь ждали? Кто мог сказать капырам о готовящемся переходе границы? Только дивана Тохир. Но юродивый и урусча? Может ли быть нечто более противоестественное, чем союз неверных и мусульманина-фанатика? Однако странная война способна еще не на такие чудеса.

Внизу, заглушаемые стрекочущим звуком вертолета, слышались громкие голоса урусчи: наверное, они уже на тропе? Гафур глубже забился в укрытие – он должен во что бы то ни стало выжить и вернуться, чтобы отыскать и наказать предателя...

Несколько часов пробираться через наспигованные минами камни было делом гиблым, поэтому Бахарев на рассвете вызвал вертолет. Вместе с майором к тропе полетели пять солдат и старлей Севостеев. Сесть на карниз вертушка никак не могла, и десантирование превратилось в эквилибристический номер: повисшему на лестнице Юрию казалось, что он крутится на бешеной карусели, а горы и небо так и норовят поменяться местами. Когда он, наконец, ступил на камни, то поначалу не поверил, что под ним уже не бездна, а земная твердь. Однако копать в ощущениях не оставалось времени – вертолетчики предупредили, что не могут тут долго торчать: у боевиков оппозиции хорошее вооружение и зря рисковать никто не желал.

Тела убитых лежали на расстоянии двух-трехметров друг от друга: видно, боевики пытались рассредоточиться и залегли, да их все равно достали огнем. Не огрызались бы в ответ, может, и остались живы, тем более к пленным здесь относились терпимо – как-никак земляки, единовѣрцы, а то и соседи. Но боевики открыли ответный огонь, шальной пулей

ранило одного из солдат. И это решило все: командир поста приказал стрелять на поражение. Таковы законы горной войны!

Бахарев быстрым взглядом окинул убитых и похолодел: на тропе лежало шесть окровавленных тел, а не семь! Где седьмой?! Надо во что бы то ни стало найти его тело, а если вдруг ему чудом удалось уцелеть в быстротечной круговерти ночного боя, взять боевика живым. А не сдастся – уничтожить!

– Где седьмой? – сквозь шум винтов вертолета прокричал он Севостееву. Тот пожал плечами, сорвал с плеча автомат и пробежал несколько шагов вперед. Юрий бросился за ним туда, где толщу скалы разрезала узкая и глубокая щель. Здесь вполне мог спрятаться человек, то там никого не было. Старлей на всякий случай дал туда очередь из автомата.

– Наверное, упал, – Севостеев показал на дно ущелья.

Бахарев подошел к краю карниза и заглянул в пропасть. Сразу же слегка закружилась голова от высоты и Юрий поспешно отступил на шаг. По этим склонам, даже скорее отвесным скалам, вниз не спустится, а искать тело среди такого нагромождения камней, все равно, что иголку в стоге сена. В любом случае, надо выбирать: согласиться с версией старлей или предположить самое худшее? На Востоке не зря говорили – разумный готовится к непредвиденному.

Солдаты собирали оружие и сумки убитых, а Юрий, преодолевая брезгливость, обыскивал трупы, выворачивая карманы камуфляжных курток и штанов. Как он и ожидал, там не нашлось ничего существенного – пара зажигалок, патроны, складные ножи, хлебные крошки. Как правило, боевики истово соблюдали законы шариата и никогда не пили спиртного и не курили.

Юрий сфотографировал каждого из убитых на цветную пленку. Больше здесь делать практически было нечего, и он решил возвращаться.

– Как с телами? – майор обратился к Севостееву.

– А-а, – досадливо отмахнулся тот. – Солнце, ветер и стервятники... Через несколько дней тут останутся лишь кости, а потом даже их не станет.

– Ну, как знаешь.

Юрий направился к лестнице, намереваясь подняться в вертолет, зависший около карниза. Жаль, что боевиков не удалось взять живыми, однако на кого пенять: на себя, на солдат или на проклятую странную войну, на которой никогда не знаешь, чего ждать в следующий момент.

Груз уже подняли. Бахарев взялся за перекладины лестницы и вдруг понял – ему не хотелось улетать, так и не выяснив точно судьбу седьмого боевика, поскольку теперь с ней напрямую оказалась связанной судьба Султана. Да как не улетишь, если в любой момент может начаться обстрел и нервничали из-за этого все: летчики, старлей, солдаты. Только убитым все равно, – они свое отвоевали.

Усевшись прямо на пол в железном чреве вертолета, мелко вибрировавшем от работы несущих винтов, Юрий подтянул к себе трофейные сумки, не в силах сдержать нетерпение начал рыться в них, не обращая внимания на любопытные взгляды солдат. Пусть смотрят, все равно они ничего не смогут понять. Он и сам мало что поймет при первом беглом осмотре – даже расческа способна послужить вещественным паролем. Вот бы еще исхитриться и узнать: кто, где, как и кому должен ее показать и какие слова при этом произнести?!

Ага, в одной из сумок нашлось мягкое кожаное портмоне, а в нем письма на арабском и фарси, визитка с золотым обрезом и неровно разорванная фотография группы мужчин в европейских костюмах. Возможно, именно это неизвестные тащили через границу, как некий пропуск-допуск к определенным людям и тайнам. Но к кому и к каким?

Так, а это чего? Юрий выудил из сумки прибор, похожий на вытянутый пейджер. Сидевший напротив Севостеев живо заинтересовался:

- Телефон?
- Нет, «Войс Органайзер».
- Чего? – не понял старлей.

– Занятная такая штука, – попытался объяснить Бахарев. – У него объем памяти, как у хорошего компьютера. Может работать, как часы, будильник, календарь, записная книжка, телефонный справочник. И отзывается только на голос хозяина.

- Поди же ты, – удивленно шмыгнул носом один из солдат.
- Потому и «войс», что по-английски означает «голос». Модная западная игрушка.

Юрий покачал прибор на ладони: такая штука готова помочь надежно защитить секретную информацию и не нужно мощных сейфов, заучивания наизусть кодов – «Войс Органайзер» сохранит любые секреты в «бестелесном виде» и выдаст их на экранчик, повинаясь лишь команде, поданной голосом хозяина. Электронику никому не удастся обмануть, хотя можно и попробовать. Только как узнать, какой голос был у хозяина и не заблокирован ли прибор – вдруг при чужой команде он автоматически уничтожает память, а то и того хлеще, просто взрывается?! Что стоит заложить в «Органайзер» пластиковую мину?

- М-да, любопытно, – протянул старлей. – Покажи, как она работает.
- Лучше спокойно долетим, – Юрий спрятал прибор в сумку.

Вертолет уже делал круги над «Плутоном». Еще несколько минут, и машина приземлилась. Солдаты шустро выкатились из салона, и Севостеев на прощание пожал Бахареву руку:

– Извини, Павел не проводит: нам тут бывает некогда. Благодарим за посылки и прилетай в гости на Рождество!

- Спасибо! – Юрий подумал, что Рождество куда лучше справить дома.

Дверь вертолета с лязгом захлопнулась, и в иллюминатор стало видно, как быстро уходили вниз и оставались позади вросшие в камень блиндажи и черная неровная нитка ломаной линии траншеи. Приведет ли сюда еще когда-нибудь беспокойная судьба?

Лучше никогда ничего не загадывать.

Машина выровнялась и взяла курс на базу. Бахарев вновь открыл трофейную сумку и достал фотографию – письма, визитка и прочие бумаги его тоже очень интересовали, но не заниматься же их переводом в таких условиях? К тому же кто даст гарантию, что бумаги имели только видимый, не зашифрованный текст и лишены тайнописи? Впрочем, и в открытом письме может спрятаться условная фраза или даже слово, которое многое скажет посвященному.

По всей вероятности фото, специально неровно разрезали посередине: вдруг, оно как раз и есть вещественный пароль? Но тот, что его собирался кому-то показать, располосован пулеметными очередями и адресат напрасно ждет посланцев с той стороны хребта – они уже никогда до него не доберутся. Эти нет, а другие? Имея негатив можно напечатать сколько хочешь фотографий и разрезать их по шаблону, да и людей у оппозиционеров хватало.

Хотя пароль может оказаться более сложным – важно изображение определенных лиц, а не только совпадение частей фотографии. Но лица все незнакомые – двое азиатов и два европейца: все, как один, в белых сорочках с галстуками и в светлых пиджаках. Улыбаясь, они позировали на фоне пышной зелени. Снимок могли сделать где угодно: в Южных Предгорьях, в Крыму, в Италии или Турции, в Тунисе или на том берегу океана – в Майами. Попробуй, определи?! Здесь этот орешек не разгрызть: придется отослать письма, фото и «Войс Органайзер» в столицу, вместе с другими материалами, и не забыть позвонить начальнику отдела полковнику Чуенкову, чтобы попросить его ускорить работу экспертов...

Ветерок с залива Золотой Рог разносил над стамбульским районом Эминеню аромат фруктов. Они были тут повсюду: на лотках и тележках разносчиков, в ящиках, кузовах авто-

мобилей и на огромных складах, поскольку здесь сконцентрировалась оптовая торговля фруктами и овощами. С зелеными и фруктовыми магазинами соседствовали многочисленные лавки швейных изделий и готового платья: тот, кто хотел купить не слишком дорогой, но вполне приличный костюм, непременно направлялся в Эминеню. По части торговли одеждой с ним могли соперничать разве только магазины с Бейоглу.

Тут же располагалось множество небольших кофеен и рестораников. Они привлекали посетителей умеренными ценами, вежливым обслуживанием и прекрасным видом на залив, по которому величаво проходили огромные морские лайнеры, сновали белые прогулочные и экскурсионные теплоходики и скользили лодки под парусами. На веранде одного из кафе, любуясь открывающимся видом, сидели двое мужчин.

Первый, Константин Есиновский, – сухой, желчный, сутулый, с коротко остриженной шишковатой головой, – с брезгливым видом помешивал ложечкой остывший кофе и часто затягивался сигаретой, выпуская сизый дым из широких ноздрей горбатого носа. Второй, которого звали Феликс Рудерман, был значительно моложе, но уже успел сильно располнеть. Он вальяжно развалился на стуле и лениво потягивал через соломинку крепкий коктейль.

– О чем ты все время думаешь? – Феликс стряхнул несуществующую пылинку с лацкана щегольского светлого пиджака и ехидно усмехнулся. – Считаешь, что будет стоить твой процент?

– Какой процент? – Есиновский сердито отодвинул чашку, расплескав кофе. – Меня волнует совсем другое!

– Что же, позволь тебя спросить?

Они говорили на русском, поскольку в прошлом оба эмигрировали из России, и этот язык так и остался для них более близким, чем иврит или английский. Разве на иврите пошлешь трехэтажным матом так, чтобы сразу достало до печенок?

Однако теперь времена изменились, и даже в Стамбуле слишком многие стали если не говорить, то хорошо понимать по-русски, – интересы торговли обязывали знать язык постоянных клиентов. Поэтому приятели беседовали вполголоса, опасаясь, чтобы их разговор не стал достоянием чужих ушей: все-таки они не дома. Хотя как знать, где теперь их дом?

– Боюсь, Филя, что с подачи твоего любимого Франка мы ввязались в слишком крутые дела!

Есиновский с силой примял окурочек в пепельнице и тут же прикурил новую сигарету, стараясь не обращать внимание на скопившуюся во рту горечь табака. Впрочем, разве может она сравниться с горечью, скопившейся на душе?

– Чего бояться чего? – недоуменно развел пухлыми руками Рудерман. – Извини, но я просто отказываюсь тебя понимать, решительно отказываюсь! Ты сам втянул меня в эту бодягу, а теперь, видишь ли, становишься одержим разными страхами? Зачем тогда лезли, скажи на милость? Да и чего бояться? Франк нас надежно прикрывает, а за ним, как ты знаешь, немалая сила! А деньги? Про деньги ты забыл, Константин? Хорошие, большие деньги еще никогда никому не давались даром. Тебе ли этого не знать, голубчик? И вообще чего ты боишься, чего? Мы всего лишь посредники.

Есиновский с сожалением поглядел на приятеля, как на недоумка, которому приходилось объяснять самые элементарные вещи и, наклонившись над столом, трагически прошептал:

– Мы не только посредники, Филя! Мы мелкие агенты спецслужбы, вшивые марионетки! И как только минует надобность...

Константин Абрамович откинулся на спинку стула и многозначительно посмотрел на Рудермана, который подумал, что в последнее время Костик стал со странностями, и не иначе, как у него потихоньку поехала крыша. В принципе это его проблемы, но, к глубокому сожалению, Феликс с ним связан общим делом и не может себе позволить послать приятеля

куда подальше, да и стоявший над ними Франк не даст этого сделать. А послать Костю к психиатру равносильно тому, что самому вывернуть карманы – их обоих тут же выкинут из переговоров по заключению сделки и останется лишь со слезами вспоминать, какой кусок они не успели отгрызть. Нет уж, лучше потерпеть еще немного, а ради денег он вытерпит даже занудливые манечки Есиновского.

– Нас это, – Константин Абрамович оттопыренным большим пальцем выразительно чиркнул себя по плохо выбритому кадыку.

– Перестань разводить панихиду, – недовольно поморщился Рудерман.

Ему стало тошно: и отчего он столько лет никак не может разорвать нити, связующие его с этим ненормальным? То, что они когда-то вместе уехали из России, надо давно забыть, забыть и успешно провернутые вместе дела – жизнь шла вперед и постоянно вносила суровые коррективы. Нельзя цепляться за старое, когда-то нужно собраться с духом, чтобы его откинуть. Как там у марксистов: закон отрицания?

– Выпей, это успокаивает, – предложил он, но Есиновский отказался.

– Не хочу. Когда насосеешься, совсем тошно. Я вот тут как-то лежу в койке и думаю: партия слишком большая. Еще никогда не было такой большой партии, Филя! И столь дорогой тоже!

– У нас не было. Вернее, через нас еще не проходила, – уточнил Феликс.

– А до других мне дела нет, – отмахнулся Есиновский. Рудерман подумал: приятель прав и до других дела нет никому.

Но завязавшийся разговор уже начал его тяготить. Надо же, с утра было такое прелестное настроение, радовали солнце, голубое небо, легкий прохладный ветерок, Феликс с удовольствием прогулялся по главной улице Стамбула – проспекту Истикляль джадесси. Так бродил без дела, глазел на хорошеньких женщин, сияющие витрины фешенебельных магазинов и мечтал, что когда-нибудь сможет подъехать сюда на собственном линкольне с шофером в униформе и швейцары, надеясь на щедрую подачку, с низким поклоном откроют перед ним двери. А тут Костя все изгадил.

– Тогда иди в отель и прими успокоительную таблеточку, – посоветовал Рудерман. – Выспись как следует. У нас впереди еще много работы, и нечего раскисать. Учти, я за тебя пахать не намерен! Все, давай до завтра!

Он протянул приятелю пухлую руку, давая понять, что настала пора распрощаться и наконец прекратить надоевший разговор. Неужели Костя нарочно настаивал на срочной встрече, чтобы было перед кем излить желчь и рассуждать о мучивших его страхах?

– Ладно. – Есиновский вяло пожал протянутую ладонь, сунул в рот очередную сигарету, взял со спинки стула свою куртку, перекинул ее через руку и, не сказав больше ни слова, медленно пошел прочь.

Феликс проводил его глазами и иронично фыркнул: пусть Костя, если желает получить деньги, сам справляется со своими манечками, а не желает, так скатертью дорога – Франк никого не держал, а подрасчет с хозяевами у каждого свой. Это Косте хорошо известно, и нечего взваливать свои проблемы и дурные предчувствия на чужие плечи.

Какой-то шустрый подросток, вертевшийся около кафе, вошел в телефонную будку, снял трубку и набрал номер, но Рудерман не обратил на него внимания. Но если бы он слушал разговор, то наверняка насторожился.

– Худой ушел, толстый остался, – не поздоровавшись, буркнул в микрофон мальчишка, как только на том конце провода сняли трубку.

– Кто с худым?

– Али.

– Хорошо, оставайся с толстым.

На этом разговор закончился, но Феликс его не слышал...

Расставшись с Рудерманом, взбешенный его тупостью Есиновский свернул в первый попавшийся переулок, потом в другой, словно ноги сами несли его к неведомой цели.

Как можно быть таким идиотом, как Филя, и совершенно не задумываться о будущем? Он еще упоает на Франка, глупец! Франк хитер и постоянно прикрывался им, как живым щитом. Сейчас еще не поздно выйти из опасной игры, в которую они ввязались из-за жадности и желая побольше хапнуть, – называй как нравится, суть все равно одна, – но выходить надо вместе. Впрочем, отчего он решил, что это непременно нужно сделать вдвоем с Рудерманом? Можно попробовать отвалить и одному, а приятель пусть расхлебывает заварившуюся кашу, как знает.

Наверное, стоило последовать его совету, отправиться в отель и немного отдохнуть, а потом взять такси и, никого не ставя в известность о собственных планах, рвануть на вокзал Сиркеджи, а там взять билет на поезд и укатить, например, в Германию. Пока тут опомнятся, он уже успеет прилично замести следы: мир широк, а такая мелкая сошка, как Есиновский, не долго будет занимать умы сильных мира сего. Деньги? На первое время хватит, а потом что-нибудь да подвернется.

Оглядевшись, Константин Абрамович с удивлением обнаружил, что он находился в торговом квартале Лалели, специализировавшемся на торговле с русскими. Здесь даже многие вывески были на русском языке, чтобы не владевшие турецким покупатели точно знали, куда идти. Все-таки продувные бестии эти турки, особенно когда хотят заработать. Кроме магазинов вдоль улицы протянулись лотки торговцев. Есиновский ловил на себе их оценивающие взгляды и невольно ускорил шаг – лучше поскорее убраться отсюда, все равно он не собирался нечего покупать. Тем более подъехал автобус с очередной партией бывших соотечественников, прибывших в Стамбул на шоп-тур, а встречаться с ними не хотелось. И вообще людное место, толкучка и шумная толпа сильно раздражали.

Пробираясь к стоянке такси, он думал, что правильно решил наплевать и на Франка, и на стоявшего за ним Голяницкого, связанного с Моссадом, но внезапно почувствовал, как его кто-то сильно ударил сзади по спине, да так, что разом потемнело в глазах.

– Эй! Эй! – сердито заорал уличный торговец, когда Есиновский страшно захрипел и повалился на его прилавок, сбрасывая товар на асфальт.

– Э-э! – удивленно выпучил глаза турок, а туристы испуганно отшатнулись, увидев, что точно под левой лопаткой тощего человека с коротко остриженной шишковатой головой торчала рукоять длинного шила, насквозь прошедшего через сердце...

Оставшись в одиночестве, Рудерман заказал еще крепкий коктейль и набил табаком трубку – к ней он пристрастился еще в Австрии, где после выезда из России долго болтался без дела в колонии таких же, как он, нищих эмигрантов. Там он и познакомился с Франком, тот убеждал, что все обойдется, и правда, потом все мало-помалу стало налаживаться. Но с трубкой Феликс уже не захотел расставаться.

Потягивая через соломинку коктейль и глубоко затягиваясь ароматным табачным дымом, Феликс думал, что Константин вдрызг разболтал нервы и пока он в таком состоянии толку от него мало. Впрочем, и раньше от Есиновского не приходилось ждать проку: всего-то, что рядом свой человек, с которым можно не лицемерить и которому, пусть с известной оглядкой, но все же можно доверять некоторые вещи. Но не более того! А основную работу тянул сам Рудерман.

Если проанализировать их разговор, то следовало признать: Костя, с одной стороны, полностью прав – Макс Франк при всей его показной доброжелательности, им никак не любящий родственник. Пусть это неприятно признавать, однако замечание Есиновского, что они для Макса всего лишь пешки, тоже не лишено оснований. Как ни крутись, а задница все равно останется сзади: кто-то же должен быть в этой жизни наверху, а кто-то в середине или внизу? Наверху на всех просто места не хватит. Да и стоит ли стремиться на самый верх?

Там тоже далеко не медом намазано – вон, в России, те, кто всеми правдами и неправдами оказались наверху, постоянно живут в страхе попасть под свинцовый сквозняк. Веселенькая перспектива схлопотать пулю за то, что пытаешься сделать еще больше денег!

Впрочем, они с Костей в этом отношении мало чем отличались от новых русских – их бизнес тоже опасен, но кто-то же должен заниматься и этим, тем более, за ломовые бабки?!

Если посмотреть с другой стороны, то куда им с Есиновским деваться, кроме как крепко держаться за руку Франка как за руку сильного, щедро дающего работу и хлеб? Стоит только отказаться, как на их место тут же найдут других, более сговорчивых и без всяких комплексов. Поэтому пусть лучше Косточка выпьет успокаивающую таблеточку, проспится, приведет себя в порядок и засунет подальше в прямую кишку свои примочки насчет Макса, пешек и прочей ерунды.

Феликс допил коктейль, расплатился с официантом, выбил трубку, спрятал ее в специальный футляр из тонкой кожи и, спустившись с веранды кафе, медленно пошел по набережной, раздумывая, чем сейчас заняться? Есиновский в данный момент наверняка либо уже нажрался водки, либо таблеток и, в любом случае, спит – его привычки хорошо известны. Очередная деловая встреча с Максом назначена на завтра, во второй половине дня: надо надеяться, к тому времени Костя приведет себя в порядок. Обедать, пожалуй, еще рано, а болтаться по улицам без дела тоже как-то...

А не отправиться ли в отель: портье там ловкий, плутоватый и разбитной малый, он уже не раз намекал, что готов помочь эфенди поразвлечься. Естественно, за соответствующую плату. Ну да без денег теперь только прыщ вскочит, да и то не всегда. Так, может быть, воспользоваться его предложением?

Почему бы нет? Проституция есть везде, и Стамбул не исключение. И характерно, что тут давно появились готовые на все девицы из бывших соотечественниц Рудермана, особенно с Украины. Вот и надо договориться с турком, чтобы он привел какую-нибудь хохлушечку посимпатичнее. Впрочем, полагаться на вкус не стоило и лучше выбрать товар самому. Вот вместе с временной подружкой он и отобедает в номере, и если она понравится, то он позволит ей остаться до утра, а если нет – прекрасно выпится в одиночестве.

Феликс весело прищелкнул пальцами и ускорил шаг – отсюда до отеля просто рукой подать. Есиновский жил в другой гостинице: Рудерман не хотел постоянно выслушивать его нытье и был весьма благодарен Франку, призывавшему соблюдать хотя бы элементарные правила конспирации. Кстати, сам Макс остановился в очень приличном пятизвездочном отеле...

Тащившийся за толстяком мальчишка вошел в телефонную будку и набрал тот же номер, который набирал, когда ушел Есиновский.

– По-моему, он идет в отель, – сказал подросток, когда на том конце провода сняли трубку.

– Как настроение?

– А чего мне?

– Да не твое, образина, а клиента?

– А-а... Веселый. Высосал пару крепких коктейлей, чего-то мурлыкает под нос и пальцами прищелкивает.

– Ладно, проводи его до места и можешь быть свободен...

Войдя в вестибюль гостиницы, Рудерман бросил взгляд на стойку портье и с неудовольствием увидел, что Ахмед занят с одним из постояльцев. Поймав взгляд Феликса, портье одарил его белозубой улыбкой, явно призывая подойти, но Рудерман прошел к лифту, решив позвонить Ахмеду из номера. Опять же это позволит сэкономить время, а то турок весьма охоч до праздной болтовни и выяснения несущественных подробностей. И никто не узнает, зачем позвонили, хотя за это как раз никак нельзя ручаться.

Открыв ключом замок, Феликс распахнул дверь номера и подозрительно принялся – работал ли кондиционер? Если нет, придется спуститься к портье и решить с ним все вопросы сразу, поскольку заниматься любовью в духоте все равно, что прыгать со скакалкой в парилке – не с его весом и сердцем устраивать подобные развлечения.

Кондиционер работал. Довольный Рудерман захлопнул дверь, прошел в номер и бросил ключи на стол. Сняв пиджак, он повесил его на спинку стула и подвинул к себе телефонный аппарат: Феликс не любил надолго откладывать реализацию принятых решений.

Набирая номер портье, он, словно по наитию, поднял глаза и поглядел в висевшее прямо перед ним зеркало. В нем мелькнула странная, какая-то ломаная тень, и Рудерман, еще не успев испугаться, хотел обернуться и поглядеть: что же это. Вечно у турок творятся разные безобразия! Но тут его шею словно обожгло сначала ледяным холодом, а затем резко сдавило нестерпимой болью.

Феликс захрипел, бросил трубку и попытался схватиться за горло, но пальцы лишь беспомощно скользнули по тонкой стальной удавке. Теряя сознание, толстяк медленно осел на колени, захрипел, конвульсивно дернулся и повалился на бок. Все было кончено.

Через пару секунд тихонько скрипнула дверь номера, и тень, которой так и не успел испугаться Рудерман, неслышно выскользнула в коридор...

– Ты должен обеспечить работу с Азимовым, – голос Голяницкого недовольно скрипел как несмазанная телега и Франк, поморщившись, чуть отстранил от уха телефонную трубку.

В конце концов он сам прекрасно знал, что нечего его постоянно тыкать носом, как щенка в дерьмо, напоминая, что он успел, а чего не успел. А если не все от него зависело? Если приходилось иметь дело с тяжелыми в общении людьми, которые во что бы то ни стало хотели соблюсти собственную выгоду? Попробуй-ка вести переговоры не с европейцами, а с хитрозадymi азиатами: они постоянно тебе улыбаются, а что у них на самом деле на уме, знал только один их Аллах! Вместо того чтобы недовольно скрипеть, лучше бы сам Голяницкий пообщался с такими экземплярами!

– Я обеспечиваю, – буркнул Макс.

– Значит, этого недостаточно, если еще ни до чего не сумели договориться!

– Обеспечиваю, как могу, – Франк почувствовал: сейчас он заведется и наговорит Голяницкому целый короб грубостей. Но делать этого никак нельзя, и он заставил себя сдержаться. Ничего, все кончается не завтра и, надо надеяться, у него еще появится возможность в нужный момент подставить Голяницкому ножку. А пока придется потерпеть.

– Ладно, активизируемся, – миролюбиво продолжил он. – С Есиновского и Рудермана шкуры спущу: пусть повернутся, а то отрастили толстые зады.

Конечно, это правда только в отношении Феликса, а уж тощенького Костю назвать толстозадym никак нельзя. Ну и хрен с ними, для красного словца сойдет!

– Вот-вот, активизируйся, – немного помягчел Голяницкий. – За это вам, друзья мои, денежки платят. Я завтра жду звонка.

Франк положил трубку и чертыхнулся: хорошо ему там, в Измире, в музейно-курортных условиях, ждать звонков, пока тут, в душном Стамбуле, негры в лице Франка, Есиновского и Рудермана таскали каштаны из огня. А потом придет, зараза, на готовенькое и вся слава, а главное, большая часть премиальных достанется ему, хотя работали вместе.

Макс открыл бар, плеснул в стакан немного виски и одним глотком выпил – спиртное всегда помогало успокоить нервы. Все они тут, словно девки-истерички на последнем месяце беременности – работа такая. И ведь не напомним Голяницкому, сколько сил пришлось положить, чтобы заполучить пусть хиленького, но все же осведомителя из миссии Азимова. Кто приобрел этого осведомителя, Голяницкий? Да черта с два, опять же все сделал сам Франк, а Голяницкий только и знал, что понукал, подгонял и без конца спрашивал:

как дела? Идут дела, и шли бы еще лучше, если бы он тоже работал или по крайней мере хотя бы не совал нос куда не следовало и не мешал работать другим! Впрочем, без него все равно не обойтись – товар, интересовавший Азимова и его хозяев можно получить лишь при помощи Голяницкого.

Спиртное подействовало благотворно и вскоре мир перестал казаться таким мрачным. Тем более, Франк уже не первый раз за сегодня приложился к бутылке: согласно его теории выносить стамбульскую духоту легче с помощью виски, а кондиционеры создавали лишь иллюзию настоящего комфорта и прохлады.

Бросив взгляд на часы, Макс начал переодеваться – скоро встреча с осведомителем, и опаздывать на нее нельзя. Наоборот, он придет на условное место пораньше и все внимательно осмотрит, а когда появится нужный человек, попробует поглядеть со стороны: не тянулся ли за ним хвост наружного наблюдения? В тех делах, в которые они влезли, пересекались множество разных интересов – мусульман, в частности турок и арабов, русских, иранцев, израильтян, американцев и прочих. Поэтому осторожность никогда не мешала. Вот бы еще как-нибудь исхитриться и проверить: не двурушник ли его осведомитель? Вдруг он гнал дезинформацию, заранее подготовленную Азимовым или снабжал Франка теми же сведениями, которые выгодно продавал какому-нибудь мистеру Смигу или Кемалю Абдаллаху? Но как исхитриться? Путей реализации своего замысла Макс пока не видел.

Переодевшись, Франк вышел из номера, спустился вниз, сдал портье ключ и, оказавшись на прокаленной солнцем улице, придирчиво осмотрел такси, выстроившиеся в ряд на стоянке около отеля, – стамбульские водители обожали лихачить и сломя голову носились по крутым и извилистым улочкам города. Автомобильные аварии стали тут привычным делом, поэтому Макс выбирал водителя постарше: по его мнению, возраст являлся хоть какой-то гарантией осторожности.

Усевшись на заднее сиденье подержанного «шевроле», щедро украшенного вырезанными из иллюстрированных журналов фотографиями кинозвезд и изречениями из Корана, Франк, опережая любые предложения водителя, скомандовал:

- Давай на рынок.
- Копалы-Чарши? – уточнил пожилой шофер.
- Да, туда. И не гони, я не тороплюсь.

Обычно стамбульские таксисты предлагали пассажиру довольно протяженный маршрут с осмотром достопримечательностей: старых крепостей и мечетей, обелисков и дворцов. Но Макса древние камни совершенно не волновали, тем более, он в Стамбуле уже не первый раз.

Доехали быстро. Расплатившись с водителем, Франк вошел под своды крытого рынка и примерно с полчаса без видимой цели бродил по его огромному чреву – надо провериться, не увязался ли кто за тобой? Убедившись, что все в норме, он направился в ряды торговцев коврами. Именно здесь должна состояться встреча с осведомителем.

Макс переходил от одной лавки к другой, делал вид, что разглядывал ковры, а сам думал о Есиновском и Рудермане: те еще ребята-акробаты! Гораздые бездельничать, напиившись и развлекаться с проститутками, которых тут превеликое множество. Особенно из числа их соотечественниц, которых всех называли Наташами – это имя стало нарицательным для блудниц из республик бывшего Союза, разваленного на части бездарными правителями.

Придется с Костей и Феликсом серьезно поговорить: он готов понять их страсть к развлечению. Но во всем нужно знать меру. Как это сказано в Талмуде? Страсть вначале, – как чужой, после – гость, и, наконец – хозяин дома! Воистину, мудрая книга. Так и его помощников одолела страсть, но надо же что-то делать и для получения средств к ее удовлетворению!

Между тем осведомитель не появлялся, и Франк начал испытывать легкое беспокойство. Правда, проклятые азиаты вообще не слишком обязательны, но тем не менее человек

должен прийти, поскольку на каждой встрече получал деньги за принесенные сведения. А деньги любого делали обязательным. Однако тут он вспомнил своих помощников и горько усмехнулся – всех, да не каждого!

– Арабские террористы появились в Стамбуле! – кричал мальчишка – разносчик газет. – Они уже расправились с двумя израильтянами.

– Эй! – окликнул его Макс и взял у разносчика «Акшам».

Интересно, какую новую байку для привлечения читателей придумали журналисты вечерней газеты, сообщавшей о всех новостях уходящего дня? В арабских террористов, особенно действующих в Стамбуле, поверить так же трудно, как в то, что все китайцы до единого переселились на луну. Однако дыма без огня не бывает.

Быстро просматривая газету, Франк искал сообщение, о котором кричал мальчишка, а когда нашел, его прошиб холодный пот. Макс даже схватился за горло, словно ему вдруг стало нечем дышать: в заметке, напечатанной в разделе криминальной хроники, речь шла о Есиновском и Рудермане. Одного закололи в торговых рядах, а другому затянули на шее удавку прямо в номере отеля. Веселенькое дельце и как быстренько его обтяпали, подлецы! И убрали их, наверняка, никакие не арабские террористы, – это все мифы и бредни для досужих обывателей, дабы пощекотать им нервы – а конкуренты, пронюхавшие о переговорах с Азимовым. Не в этом ли причина неявки осведомителя на очередную встречу? Вдруг самого Макса умело насадили на крючок, подсунув в виде наживки человека, готового за деньги снабжать информацией. Ведь по характеру вопросов, по тому, что именно тебя интересует, можно немало узнать.

Франк смял газету и быстро направился к выходу с рынка. В людных местах, пробираясь через толпу, он невольно ежился – а не всалят ли и ему, как бедняге Есиновскому, шило под лопатку? Нет, прочь такие мысли, прочь!

Остановив такси, Макс плюхнулся на сиденье и подрагивавшими от волнения руками сунул в рот сигарету.

– Куда поедем, эфенди? – молодой черноусый водитель обернулся к пассажиру.

«А действительно, куда? – подумал Франк, – может, сразу махнуть в аэропорт Ешилькее и прыгнуть в первый самолет, улетающий подальше отсюда?»

Если убрали сразу двух его помощников, неизбежно откроют охоту и за ним, а разделять судьбу Рудермана и Есиновского нет никакого желания. Голяницкий? Да плевать на него, вместе с его связями с Моссадом: когда речь идет о собственной шкуре, более всего нужно думать о том, как ее спасти!

С другой стороны, в номере остались вещи, а в сейфе отеля хранились деньги и ценности: куда же бежать без денег? Рискнуть, заехать в гостиницу или не рисковать? Говорят, тот, кто предупрежден – уже не побежден, а его предупредили, даже через газету. И у него есть оружие. Итак, рискнем, а потом немедленно в аэропорт.

– В отель, – приказал Франк, прервав тираду таксиста, расписывавшего местные достопримечательности. Водитель обиженно примолк, досадуя, что не удалось выставить приезжего господина на кругленькую сумму. И послушно поехал по указанному адресу.

Предупредив портье, что через пару минут спустится, чтобы забрать оставленные на хранение ценности, Макс поднялся наверх, подошел к дверям номера и осторожно открыл их ключом, держа наготове оружие: он не раздумывая всадит пулю в кого угодно! Но в номере было пусто и тихо, только чуть слышно жужжал кондиционер.

Франк проверил санузел, заглянул в шкафы и за занавеси, потом с облегчением перевел дух – никого! Но расслабляться и терять бдительность рано. Он схватил чемодан и начал сваливать в него все, что попадалось под руку. И тут раздался телефонный звонок.

Макс невольно вздрогнул и схватился за оружие, но тут же урезонил себя: чего боится? Однако кто ему звонил? После некоторых колебаний Франк решил ответить.

– Алло?

– Эфенди Франк? – мужчина говорил на английском, но с явным восточным акцентом. Звонивший мог быть кем угодно, поскольку в Стамбуле жили армяне, греки, поляки, итальянцы, а в последние годы появилось много русских. И всегда хватало приезжих. Но голос мужчины совершенно не знаком.

– Кто это?

– Ваш искренний доброжелатель, – вкрадчиво произнесли на том конце провода. – Вы уже читали «Акшам»?

– Послушайте, я не располагаю временем для отгадывания загадок, – стараясь сохранить спокойствие, ответил Макс. Неужели с ним хотят вступить в переговоры? Тогда нужно соглашаться и как можно дольше тянуть время, чтобы успеть слить. – Говорите прямо, что вам угодно? Или я повешу трубку.

– Это неразумно! Чтобы убедиться в чистоте моих намерений, включите телевизор: в программе новостей сейчас передают важную для вас информацию. И не кладите трубку!

Держа радиотелефон в левой руке, Франк подошел к тумбочке с телевизором и после секундного колебания – вдруг там и вправду нечто важное? – щелкнул тумблером включения. Последнее, что он увидел, была яркая вспышка, поглотившая его целиком.

Взрыв оказался настолько силен, что вышибло дверь номера и окна, поранив осколками стекол нескольких прохожих. Тут же надрывно завывли сирены полицейских, санитарных и пожарных машин...

В стоявшей на углу телефонной будке щеголевато одетый сухощавый мужчина вставил в щель автомата магнитную кредитную карту и быстро пробежал пальцами по кнопкам набора. Несколько секунд ожидания, и его соединили с номером офиса Григория Маркина в далекой Москве. Ответил сам Колчак.

– Да, я слушаю! – Казалось, он тут, рядом, а не за тысячи километров.

– Привет, – весело откликнулся худощавый. – Как погода на дальнем севере?

– Нормально, – узнав голос Васина, хозяин фирмы сразу стал приветливее.

– От жары не плавитесь?

– Ничего, терпимо. Лучше давай о своих делах.

– Я закончил, – буднично сообщил киллер. – Мечтаю поскорее убраться отсюда: уж больно тут пыльно и шумно.

– Всегда ждем, – заверил Маркин и тут же, несколько изменив тон, по деловому приказал: – Загляни к Хасану, у него кое-что есть для тебя. А потом можешь возвращаться.

– Меня слишком утомил Стамбул, – прозрачно намекнул Евгений.

– Все пройдет нормально, – настаивал на своем Колчак. – Через пару дней мы встретим тебя в аэропорту.

– Ладно, – нехотя согласился киллер и, не прощаясь, отключился от связи.

Хорошо Гришке: сидит в Москве, принимает деньги и заказы, а выполнять их должен Васин. Лететь в чертов шоп-тур, болтаться по прокаленному солнцем Стамбулу, выслеживать и убирать незнакомых евреев, затеявших тут нечто, что помешало каким-то другим состоятельным бизнесменам, которые уже привыкли и за границей решать вопросы с конкурентами также кардинально, как это с некоторых пор стало принято в России. Вот они их и заказали, а ты, будь любезен, выполни заказ. Прямо, как официант. Может еще прогнаться прикажут?

Хотя за такие деньги прогнешься, да и Колчак шутить не *станет*: заказ принят, деньги взяли, изволь работать! Не то ответишь головой! Свою Маркин подставлять ни за что не захочет, значит, в случае неудачи откупится от заказчиков башкой Васина. Поэтому придется навестить магазинчик Хасана, служивший явкой и опорным пунктом для действовавших

здесь русских уголовников. Там станет ясно, какие еще новости ожидали Васина в древнем городе, олицетворявшем слияние Европы и Азии.

Заведение Хасана, предлагавшее покупателям различную бытовую электротехнику, располагалось рядом с шумными торговыми рядами в Лалели, где легко затеряться в толпе, но самое главное, хозяин довольно прилично объяснялся на русском языке, что сразу снимало множество проблем.

– Добрый день, – войдя в магазин, поздоровался Евгений и слегка поморщился, услышав, как звякнул на двери колокольчик: почему-то этот звук его всегда очень раздражал.

За прилавком стоял сам хозяин: маленький, полный, с тонкими черными усиками над пухлыми алыми, как у женщины, губами, словно подкрашенными помадой. Он расцвел в улыбке и жестом пригласил гостя пройти в заднюю комнату-конторку:

– Привет, дорогой, привет! Выпьешь чаю?

– Лучше холодного пива, – попросил Васин, опускаясь в продавленное кресло.

– Пригляди за товаром, – велел Хасан болтавшемуся без дела парню и достал из холодильника несколько банок с пивом. – Угощайся, дорогой, сегодня жаркий день.

– Да, – кивнул киллер. – Что там у тебя?

– Э-э, вчера передали. Вот! – Хозяин магазинчика подал Евгению запечатанный конверт из плотной бумаги. – Тебе надо съездить в Измир.

– В Измир?

Васин вскрыл конверт. В нем оказались цветное фото мужчины средних лет и короткая, всего в несколько строк, записка, напечатанная на узкой полоске бумаги. Прочитав, киллер поднес к записке огонек зажигалки и прикурил от маленького факела сигарету.

– Дай машину, – попросил он Хасана. – И пару толковых ребят. Я совершенно не ориентируюсь в Измире.

– Конечно, – тут же согласился хозяин магазина. – Тебе там понравится, красивый город.

– Не думаю, – усмехнулся киллер. – Возьмите мне заранее билет на самолет, у меня нет желания задерживаться здесь. И приготовь такую же сумку, как вчера...

Голяницкий перевернулся на спину, не глядя протянул руку и взял со столика сигареты. Прикурив, он блаженно затаился и выпустил струю дыма к потолку. Кажется, пока все шло нормально. Ему нравился Измир, нравился отель, нравился номер и очень нравилась девка, с которой он проводил время. Но более всего Голяницкому нравился изобретенный им способ ведения дела: помощники суеились в жарком Стамбуле, а он, словно опытный дрессировщик, подстегивал их отсюда по телефону. Однако, судя по всему, клиент скоро окончательно созреет и тогда придется оставить благословенный Измир.

Тихо гудел кондиционер, в ванной лилась вода – там плескалась подруга, которая ему так нравилась. Впереди чудный день, а вечером он опять позвонит Франку: вчера эта свинья не отвечала, видно, где-то болтался, но сегодня придется дать полный отчет об очередной встрече с осведомителем из миссии Азимова. У представителя оппозиционных кругов Южных Предгорий есть деньги, а у друзей хозяев Голяницкого есть возможность достать интересующий оппозиционеров товар. И какая разница, где они добыли на него деньги: торгуя наркотиками или ограбив банк?

В дверь номера постучали, и Голяницкий недовольно скривился – кого еще там принесло? Наверное, кто-то из obsługi: видно, эти обормоты решили, что если у него женщина, то надо предложить шампанское? Могли бы и позвонить, олухи!

В дверь снова постучали, и Ник, глухо ругаясь сквозь зубы, встал, накинул на себя халат и, подойдя к дверям, заглянул в глазок: так и есть, в коридоре стоял посыльный отеля.

– В чем дело? – Голяницкий приоткрыл дверь.

– Вам срочное письмо, эфенди! – посыльный подал ему большой конверт.

Ник взял его и осмотрел: похоже, внутри бумаги, но нет ни адреса, ни фамилии адресата, а уж об отправителе и говорить нечего. Что бы это значило?

– Вы получили его по почте? – на всякий случай спросил он.

– Нет, эфенди, его принес в отель какой-то господин. Просил срочно передать вам.

– Господин был местный?

– Да, эфенди.

– Хорошо, иди!

Голяницкий захлопнул дверь, даже не подумав дать посыльному чаевые: сейчас его более всего занимал загадочный конверт. Надо вскрыть его, пока подружка в ванной – это самая лучшая гарантия, что она не сунет нос туда, куда не следовало.

Разорвав конверт, Голяницкий увидел две сложенные газетные странички и прикрепленный к ним скрепкой листок бумаги, на котором толстым черным фломастером крупно было написано: «фак ин аут!» Английский смягчил резкую откровенность и лаконичную грубость русского мата, недвусмысленно предлагавшего ему немедленно убираться. И на том спасибо, но кто этот резвый шутник, приславший подобное предложение?

Ник небрежно бросил записку на стол, закурил новую сигарету и развернул газетные листы. И сразу тошно засосало под ложечкой: он понял, отчего Франк не отвечал вчера вечером – Макс больше вообще никогда и никому не ответит. И Рудерман с Есиновским тоже кончили не самым лучшим образом...

Кто их убрал? Явно те, кто заинтересован в срыве намечавшейся сделки с представителями оппозиции Южных Предгорий, но кто дьявол их раздери, эти люди? Кто с такой жестокостью мог расправиться с его помощниками – агенты ЦРУ, китайцы, гонконгские триады, сейчас перебазировавшиеся на Макао и Тайвань и располагавшие опорными пунктами в Западной Европе и Америке, или русские? Могли «приложить ручку» и представители пан-исламистских движений.

Что делать? Уматывать, как ему недвусмысленно уже не советуют, а приказывают? Однако какую реакцию вызовет его отъезд в Тель-Авиве? Им не приходится рисковать здесь задницей, поэтому они наверняка проявят крайнее неудовольствие. Может быть, чтобы не рвать все нити и не сжигать окончательно мосты, позвонить сейчас Азимову и попросить тайм-аут в переговорах? Ну, хотя бы на недельку или две, а там посмотрим?

Нет, вряд ли это выгорит: проклятый азиат постоянно торопил и отчаянно торговался за каждый цент. Его тоже можно понять – наверняка понукали свои, да и речь шла об очень значительной сумме. И все же, наверное, стоило попытаться договориться о тайм-ауте. Чем черт не шутит, вдруг Азимов согласится?

Голяницкий хотел снять телефонную трубку, и в этот момент аппарат зазвонил, словно кто-то неведомым образом прочел мысли Ника и, чтобы не дать ему связаться с представителем оппозиции Южных Предгорий, сам выдал звонок. Поэтому Голяницкий снял трубку, не ожидая услышать ничего приятного. И не ошибся.

– Э-э, эфенди Голяницки? – говорил незнакомый мужчина. Его дурной английский еще более искажал сильный восточный акцент.

– Да, это я. Кто вы?

Ник немного отстранил трубку от уха и с замиранием сердца подумал, что тот же Моссад неоднократно уничтожал противников, взрывая телефон во время разговора. Впрочем, он почти сутки не покидал номера и вряд ли ему могли всадить в аппарат заряд пластиковой взрывчатки. Хотя, кто знает? А, с другой стороны, если тебя непременно хотят кончить, то все равно рано или поздно укокошат, даже если ты спрячешься в невообразимом захолустье. Так чего уж?

– Ваш искренний друг, – ответил незнакомец.

– Можно конкретнее, – Голяницкий движением руки отстранил подругу, которая вышла из ванной и попыталась заигрывать с ним. Сейчас не до любовных развлечений, и он буркнул: – Сядь, не мешай!

– Э-э, эфенди? – немедленно отозвался мужчина.

– Это я не вам, – поспешил успокоить его Ник. – Вы можете конкретно ответить: кто и чего хотите?

– Куда уж конкретнее? – засмеялся незнакомец. – Ты пакет получил?

– Да. Это ваша работа?

– Ну, зачем так? Скажи лучше, эфенди, заметки читал или нет? Ах, читал! Тогда должен понимать: твои услуги больше не нужны.

– Кто так решил?

– Слушай, Аарон! – Незнакомец назвал Голяницкого его настоящим именем, и это повергло Ника в панический ужас: о нем знали слишком многое!

Конечно, имя не государственная тайна, но всем и всюду Голяницкий был известен только под псевдонимом. Значит, эти ребята сумели глубоко копнуть? Вдруг это работа собственных хозяев, ведь они тоже могут перестать нуждаться в твоих услугах, как и в услугах связанных с тобой мелких подельников, вроде Франка, Есиновского и Рудермана.

– Слушай, Аарон! – продолжал незнакомец. – Ты все прекрасно понимаешь. У тебя есть час и не вздумай вертеть задом или висеть на телефоне. Понял? Больше предупреждать не станем!

В трубке раздались короткие гудки. Голяницкий медленно положил ее и тяжело вздохнул: ситуация прямо скажем не из лучших. Нужно отваливать, причем немедленно!

– Иди ко мне, – позвала подружка. Она развалилась на широкой кровати и распахнула халат, показывая высокую грудь. Однако Ник остался равнодушен к ее прелестям.

– Я уезжаю, – доставая из шкафа сумку, сообщил он.

– Сейчас? – она недоуменно округлила глаза. – А завтракать?

– Да сейчас! У меня важное дело!

– Ты скоро вернешься? Мне подождать тебя здесь?

– Как хочешь, – буркнул Голяницкий. Не объяснять же этой дуре, что на самом деле происходит? Не поймет, а если до нее все-таки дойдет, то начнется истерика!

Он подхватил со стола записку и вырезки из газет и спрятал их во внутренний карман пиджака. В сумке самое необходимое, а все остальное гори ясным пламенем. Внизу он даст портье деньги еще за сутки вперед: пусть эта дура здесь ждет его, пока не посинеет. Не таскать же ее за собой: к чему лишняя обуза?

– Все, пока! Жди!

Ник подошел к постели и чмокнул подругу в щеку – зачем вызывать у нее лишние подозрения? Потом быстро вышел из номера, вызвал лифт и посмотрел на часы: с того момента, как он закончил разговор с незнакомцем, прошло восемь минут. Ничего, еще максимум полчаса – и Измир останется позади. Куда ехать? Конечно, в ближайший аэропорт и немедленно улететь из Турции в любую другую страну, благо, у него есть голландский паспорт, а в Европе пограничные формальности сведены к минимуму.

Расчеты с портье заняли еще минут десять, и вот Голяницкий уже сунул в руку одному из швейцаров купюру и ключи от автомобиля:

– Подгоните сюда машину: я тороплюсь!

– Да, эфенди, – посмотрев на купюру, швейцар расплылся в улыбке. – Сию минуту, эфенди!

Ник направился к телефонной будке в углу вестибюля, снял трубку и сделал вид, что звонит, но сам пристально следил за секундной стрелкой часов и напряженно прислуши-

вался – не ухнет ли на улице взрыв? Его машину могли заминировать, а если взлетит на воздух вместе с ней чучело в ливрее, туда ему и дорога!

Голяницкий прекрасно понимал: те, кто прислал ему конверт и позвонил по телефону, совершенно не расположены шутить и прихлопнут его в два счета, как уже прихлопнули Есиновского с Рудерманом и вечно осторожничавшего, опытного Франка. А уж на что тот привык беречь свою драгоценную задницу! Сейчас от пули снайпера, удавки, ножа или бомбы не спасет никакой Моссад и что толку, если потом израильтяне отыщут и накажут тех, кто уничтожил их людей и помешал переговорам с представителями оппозиции Южных Предгорий? Это как посмертная реабилитация в России – тому, кого реабилитировали, от этого ни жарко ни холодно, лучше бы его в свое время не репрессировали. По большому счету любой разведке и контрразведке насрать на своих агентов, поэтому нужно выбираться из дерьма самому.

На улице было по-прежнему тихо, и Ник украдкой облегченно перевел дух – в окно он видел, как у подъезда швейцар припарковал его «тойоту». Конечно, можно плюнуть на машину и взять такси, но как раз именно в такси тебя совершенно свободно могут прирезать, застрелить и удавить.

Подхватив сумку, он вышел из отеля и сел за руль. Мотор ровно урчал, и Голяницкий плавно тронул с места.

– Это он, – сообщил турок, наблюдавший в бинокль за отелем.

– Аминь! – Васин нажал на кнопку, посылая радиосигнал детонатору спрятанной в «тойоте» Голяницкого мины. Где-то далеко глухо бухнул взрыв, и через некоторое время истошно завывали сирены...

Мирзо Азимов жил в Стамбуле довольно скромно, но все же так, как приличествовало представителю оппозиции пусть небольшой, но вполне самостоятельной страны. Хвала Аллаху, везде найдутся друзья, готовые пособить в тяжких трудах и их стараниями у миссии был уютный особнячок с жилыми комнатами и офисом. Поскольку миссия носила официальный характер и не являлась дипломатическим представительством, полиция особняк не охраняла и приходилось полагаться на нескольких обстрелянных вооруженных боевиков, по очереди дежуривших в приемной и во дворе.

Вообще спокойно решать поставленные перед ним проблемы Азимову никак не удавалось, хотя он имел достаточный опыт дипломатической работы еще со времен прежнего режима. Как и следовало ожидать, более всего нервозность создавали свои – лидеры оппозиции, находившиеся за границей, в частности в Париже и Нью-Йорке. Они постоянно дергали, требуя формировать переговоры, и в то же время грозили разными карами, если Мирзо пойдет на уступки в условиях заключения сделки, получившей кодовое название «Караван».

Иногда Азимову очень хотелось послать все к чертям и ответить поучавшим его самозванным «выразителям народной воли», что они могут сами попробовать договориться с израильтянами, американцами, арабами или русскими – смотря по тому, кто им больше нравится и чьи цены лучше устраивали. Нечего дергать его чуть ли не каждый день! В конце концов он тоже не святой и не обладал неистощимым терпением: когда-нибудь ему надоест молча выслушивать назидания и оправдываться за грехи, которых не совершал. Кто-то из лидеров нарвется на грубость, что наверняка отразится и на дальнейшей судьбе Мирзо, и на судьбе переговоров. Только это и сдерживало – сам ладно, но загубить дело из-за пустяка?

Сейчас на горизонте маячил представитель израильтян, некто Голяницкий. Он делал заманчивые предложения, и стоило их как следует проработать. Но это вновь потерянное время, новые согласования с лидерами эмиграции, что непременно вызовет неудовольствие тех же лидеров. О, Аллах, отчего они так глупы?! Отчего никак не могут понять: никогда невозможно иметь все выгоды сразу?!

Мирзо отхлебнул из пиалы остывшего зеленого чая, снял трубку зазвонившего телефона и лениво процедил:

– Алло!

– Эфенди Мирзо? Салам.

– Салам, – пытаюсь угадать, кто это, машинально ответил Азимов.

– Хочу вас предупредить: очередная встреча с Голяницким не состоится.

Мужчина говорил на родном языке Азимова, но с каким-то непонятным акцентом и коверкая слова, впрочем, понять его вполне возможно, но вот заслуживала ли доверия его информация? И вообще кто это звонил: номер телефона узнать не трудно, однако тот, кто звонил, знал об отношениях с Голяницким! Как далеко простиралось это знание? Вряд ли удастся получить ответ на столь важный вопрос по телефону.

– Кто говорит? – Мирзо отставил пиалу и включил подсоединенный к аппарату мини-атюрный диктофон: запись разговора иметь не лишнее. Неизвестно, как еще все повернется.

– Ваш искренний доброжелатель, – заверил незнакомец.

– Допустим. Но почему не состоится встреча?

– Эфенди Голяницкий болен.

– Вот как? Это он просил вас позвонить?

– Нет, сам он уже попросить не в состоянии.

– Болезнь настолько серьезна?

– Она смертельна, – хмыкнули на том конце провода, и Азимову стало немного не по себе, словно на него неожиданно пахнуло могильным холодком. А незнакомец как ни в чем не бывало, продолжал. – Поверьте, эфенди Мирзо, вам нужен новый «караванщик»!

«Почему он говорит на фарси, но упорно называет меня на турецкий лад эфенди? – подумал Азимов, но тут же забыл об этом, пораженный другой мыслью. – Откуда ему известно о “караване”? Вряд ли он обладает даром ясновидения. Значит, произошла утечка информации?! Но с какой стороны: нашей или израильской? Час от часу не легче! Что ни день, то новые почти неразрешимые проблемы!»

– М-да? – только и смог произнести он в микрофон.

– Да! – твердо ответил незнакомец. – И мы готовы предоставить вам его.

– Кто мы?! Под чьим флагом вы выступаете – сразу же уцепился за его слова Мирзо. – И почему я должен вам верить?

– Читайте газеты! Вся группа израильтян отправилась в рай. Вы же не хотите без конца срывать переговоры из-за подобных причин? Не правда ли? А я представляю тех, кто искренне заинтересован в дружбе и сотрудничестве между нашими народами.

– Это человек или организация? Может быть, страна? – попытался уточнить Азимов. Разговор начал его весьма интриговать. – Назовите ее!

– Лучше давайте вернемся к вопросу о «караване».

– Я не могу сразу вам ответить, – уклонился Мирзо. – Если вы не против, перезвоните ближе к вечеру.

– Хорошо, – согласился незнакомец и предупредил: – Не впутывайте в наши отношения полицию или спецслужбы. Ни к чему хорошему это не приведет. До вечера! Надеюсь на ваш здравый смысл!

В трубке раздались короткие гудки, и Азимов положил ее на рычаги аппарата. Маленькие катушки диктофона перестали вращаться. Мирзо перемотал пленку назад и пригласил в свой кабинет Абдулло-бобо, отвечавшего за обеспечение безопасности. Дав ему прослушать запись, глава миссии приказал:

– В течение часа я хочу все знать об этих израильтянах и что там с Голяницким.

– Вы полагаете, все так серьезно? – Абдулло кивнул на телефон и скорчил презрительную мину.

Однако шеф не разделял его скептицизм и назидательно ответил:

– Никогда не знаешь, какая тропа приведет к успеху! Пути Судьбы иногда весьма причудливы.

Абдулло только недоуменно пожал широченными плечами и вышел. Мирзо не сомневался, что в течение часа помощник добудет всю необходимую информацию, вне зависимости от того, как он относился к странному телефонному звонку. Любопытно узнать, чем же так внезапно мог смертельно заболеть Голяницкий, который, по имевшимся у Азимова сведениям, сейчас находился в Измире?

После ухода Абдулло глава миссии попытался заняться текущими делами, – кроме забот с «караваном» у него хватало других обязанностей, – но странный звонок не выходил из головы. Кто все-таки звонил, кого этот человек представляет и насколько серьезные намерения этих людей? Считать звонок незнакомца неумной мистификацией Мирзо не был склонен. Поэтому, как только помощник появился на пороге кабинета, он сразу же спросил:

– Ну что там?

– Их убрали! – Абдулло положил на стол шефа газеты.

– Всех? – даже не притронувшись к принесенным помощником газетам, переспросил Азимов: похоже, баритон не шутил, сообщая о смертельной болезни Ника?

– Всех, – мрачно подтвердил Абдулло-бобо. – Видно, работала целая бригада. Правда, не могу ручаться за достоверность газетной информации относительно арабских террористов.

– А-а, пустое, – отмахнулся Мирзо. – Что с Голяницким?

– Взорвался в машине. Я звонил в Измир, сведения точные. Теперь израильтяне должны выставить нового посредника?

– Кто знает? – задумчиво протянул Азимов. Его сейчас более интересовало другое: какие меры предпримет МОССАД после ликвидации его людей? И настолько ли сильны те, кто убрал группу Голяницкого, чтобы бороться с израильтянами? На кого ставить, чтобы не ошибиться?

– Думаете, он перезвонит? – Абдулло показал на телефон.

– Не сомневаюсь, – сразу поняв, о ком речь, кивнул Мирзо. – В работе с «караваном» они хотят занять освободившееся место.

– Коней на переправе не меняют! – Помощник посмотрел прямо в глаза шефа, но тот не отвел взгляд. – Тем более, мы успешно провели первую часть операции с помощью посредников с Ближнего Востока.

– Да, – вяло согласился Азимов.

Наверное, Абдулло подозревал, что он за спиной службы безопасности нащупал новые контакты и теперь израильтяне первыми пожали плоды закулисных махинаций? В принципе помощнику глубоко плевать на евреев, арабов, русских, американцев, негров и всех прочих, включая китайцев: его волновала собственная голова, поскольку ее сохранность зависела от успеха возложенной на Азимова миссии. Вместе с ним Абдулло или поднимется на более высокий уровень, или падет, навсегда лишившись бритой башки.

Конечно, даже дураку понятно, какой тут можно развернуть бизнес, если не терять осторожности и наладить надежные связи. Килограмм наркотического сырья стоил в Афганистане около девяти тысяч долларов, но лишь только он пересекал границу республики Южных Предгорий, цена сразу подскакивала до двадцати-двадцати пяти тысяч, а по мере пересечения следующих границ росла чуть ли не в геометрической прогрессии. Тут, если отдашь по сорок тысяч, тебя поцелуют в любое место и немедленно выложат деньги. Сейчас они у миссии есть, но их нужно срочно обменять на другой товар, который жаждали получить все. И лидеры оппозиции, и полевые командиры. И все смотрели на Мирзо и торопили его, как будто желанный товар дешевле и его проще приобрести, чем наркотики!

– Благодаря им у нас есть деньги, – продолжил Абдулло-бобо, но Азимов не дал ему закончить фразу.

– Деньги не самоцель, – ворчливо заметил он. – Они средство для достижения новой цели. Лучше скажи, кто убрал израильтян?

Этого вопроса помощник ждал и боялся, потому что не знал на него ответа, а должен был бы знать, поскольку отвечал за безопасность миссии и, в частности, особо за безопасность запланированной операции «караван».

– Выясняем, – буркнул Абдулло, не желая вдаваться в подробности, хотя прекрасно понимал, как наивно звучал ответ: что он мог выяснить за час-полтора, если ничего не выяснил раньше и не выявил вовремя угрозу для переговоров? – Это явно конкуренты.

– Догадываюсь, – без тени иронии согласился Азимов. – Но кто? Люди из Эмиратов, американцы или русские?

– Красная мафия сильна и безжалостна, – глядя на раскинувшийся за окном кабинета тенистый садик, тихо сказал помощник. – Она вполне может занять освободившееся место.

– Если израильтяне отдадут его!

– Да, если отдадут. Но у них тоже есть Красная мафия, она действует и в Тель-Авиве.

– Так же, как и у нас, – грустно улыбнулся Мирзо. – Иногда мне кажется, что на земном шаре уже не осталось места, где не встретишь уголовника из России или из республик бывшего СССР.

– Я думаю, встреча с ними не самый лучший вариант, – Абдулло встал и поклонился шефу. – Если разрешите, я пойду. У меня еще тысяча дел.

– Да, конечно, – кивнул Азимов. – А насчет вариантов трудно сказать определенно. Посмотрим, позвонит ли новый контактер вечером?

– Нисколько не сомневаюсь, – уже от дверей ответил помощник.

Мирзо проводил его взглядом и откинулся на спинку кресла: кто бы только знал, как он устал! Ужасно надоело быть мальчиком для битья, надоело до тошноты, но как все бросить? Если влез в подобные дела, то выход из них уже не зависел от твоего желания или нежелания. И все же как прекрасно было бы стать простым обывателем и убраться подальше отсюда – разве мало в мире мест, где можно жить спокойно, сыто и размеренно? Присвоить хотя бы часть денег, полученных на первом этапе операции, и исчезнуть, как мираж в пустыне.

Нет, – Мирзо горько усмехнулся, – это всего лишь несбыточные мечты: только при одном подозрении, что ты решил выйти из игры, тот же Абдулло-бобо первым перережет тебе глотку, чтобы не перерезали ему. Противно, но приходилось смиряться, стиснуть зубы и терпеть, умоляя Аллаха, чтобы все закончилось благополучно.

Остаток дня он провел в непрерывном ожидании, с трудом заставляя себя заниматься текущими делами, да еще позвонил из Парижа один из возмнивших себя отцом нации лидеров оппозиции и пришлось битых полчаса выслушивать его бредни – и как только людям не жалко тратить столько денег на телефонные переговоры? Лучше пошел бы с женщиной в ресторан, а коли уж так нейдет, излейся на бумаге, она, говорят, все стерпит!

Незнакомец позвонил ровно в семь. Азимов ждал его звонка, но все равно он показался ему неожиданным.

– Алло?!

– Вы навели справки?

– Конечно.

– Поверьте, у нас самые серьезные намерения. Вы готовы обсудить вопрос о «караване»?

– Вы в курсе наших пожеланий?

– Естественно, – заверил незнакомец. – Но этот город слишком шумный, многолюдный. Поезжайте в Венецию. Там есть Гранд-отель. Туда вам позвонят через месяц и передадут привет от Жоры. Вы его должны помнить, он солидный человек.

– Месяц? – воскликнул Мирзо. – Вы сошли с ума!

– Ничуть! Серьезные дела не решаются в одночасье: вспомните, сколько времени вы потратили на израильтян?

Азимов вынужден был признать его правоту и промолчал, а незнакомец продолжал:

– Мы понимаем ваше нетерпение, но и вы поймите: требуется некоторое время для подготовки обоюдовыгодной сделки. Мы учтем все ваши пожелания и товар пойдет в дело с колес. Итак, до встречи в Венеции?

– Подождите, – остановил его глава миссии. – Звонить в Гранд-отель будете вы?

– Нет, позвонит человек лично вам знакомый. Всего доброго...

Положив трубку, Мирзо подумал, что это, без сомнений, русские дельцы и, вполне возможно, из той самой пресловутой Красной мафии...

Глава 3

Подразделение контрразведки, к которому прикомандировали Бахарева, располагалось в старом доме, где у Юрия был похожий на каморку кабинетик – узкий, тесный, душный. Шторы или жалюзи являлись лишь предметом пустых мечтаний, и от безжалостно палящего солнца приходилось спасаться при помощи газет. Бахарев вбил в раму гвоздики и накалывал на них развернутые газетные листы, которых хватало всего на несколько дней. Потом они становились ломкими, желтыми, насквозь пропитывались вездесущей пылью и их приходилось менять. Одна отрада: пусть захлебываясь, но все еще пахал старенький кондиционер «Апшерон», иначе вообще хана.

Устроившись за обшарпанным канцелярским столом, Юрий положил перед собой запечатанный пакет из Москвы, полученный в спецканцелярии. Кажется, все реквизиты на месте и печати целы – доверяй, но проверяй, особенно в местных условиях, когда тут творилось бог знает что и не в ком нельзя быть уверенным до конца, даже в русских, проживших здесь долгие годы. Правда, их и осталось-то всего ничего: все кто мог и даже не мог, любыми правдами и неправдами постарались покинуть пределы новой республики, предпочитая бросить нажитое хозяйство и благоустроенные квартиры, лишь бы сохранить жизнь. Местная промышленность держалась преимущественно на русскоязычном населении, а теперь предприятия встали и едва-едва дышала инфраструктура городов, давая свет и воду с большими перебоями.

Резкие светотени, немного сглаженные осевшей на оконное стекло пылью, лежали на большом конверте, словно разделяя его на черное и голубовато-белое. Бахарев отхлебнул из пиалы зеленого чая и решительно вскрыл пакет – пора узнать, что же он заполучил на каменистом горном карнизе около боевого поста охранения пол кодовым наименованием «Плутон»?

Быстро пробежав глазами по машинописным строкам, Юрий отложил листки: к сожалению, ответ из Москвы не вносил никакой ясности в сложившуюся ситуацию. Как и предполагал Бахарев, «Войс Органайзер» оказался заминирован, поскольку в нем содержалась шифровка, закодированная по мнению экспертов, весьма примитивным шифром с текстом на фарси: «ПЕРВЫЙ КАРАВАН ПРОШЕЛ. ЕСТЬ ПОСРЕДНИКИ И КУПЦЫ ДЛЯ ВТОРОГО. ПУТЬ ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ ДОЛОГ». Ни обращения, ни подписи, ни даты. Предположительно, шифровку вогнали в память «органайзера» примерно десять дней назад. Кроме нее там еще оказалось множество разных записей и телефонов, с которыми сейчас разбирались и, если обнаружится в них нечто, относящееся к делу, которым здесь занимался Бахарев, ему обещали сообщить об этом дополнительно. Ну что же, и на том спасибо. Все-таки не подвел его нюх, когда он не стал трогать новомодную игрушку в вертолете, не то сейчас клевали бы стервятники его косточки.

Но что имел в виду неизвестный отправитель, давая неизвестному адресату такую шифровку? Что толку расколоть шифр, если абсолютно непонятно: о каких караванах и пустынях идет речь?! Тут можно запросто голову сломать, но так ничего не придумать: любая, даже самая сумасбродная версия вполне годится и проходит на ура. А почему, собственно, нет? Думай чего хочешь!

И еще одна загадка – отчего боевики воспользовались архаичным способом передачи зашифрованного сообщения? Почему не передали шифр-телеграмму по радио или через спутниковые каналы связи? Так нет, они тянули ее через границу в заряженной пластиковой миной «Войс Органайзер». Чудеса в решете, да и только! Или эти люди в принципе не обучаемы приемам ведения разведки и соблюдения конспирации? Нет, в такое поверить невозможно. Но есть одна догадка, – она, как и прочие, имела полное право на существование, –

что дело тут заключалось не в сетях шпионажа и террористической деятельности, а в обычной уголовщине. Пусть крупного калибра, с ломовыми бабками на кону, но все же в уголовщине, а также в торговле наркотиками. Кстати, тут их, если можно так выразиться, и сеют и жнут, а уж за линией границы и подавно.

Что свидетельствует за это? Как ни странно, именно неровно разрезанная фотография явно должна служить вещественным паролем: по данным Центра на ней, среди прочих, пока не установленных лиц, запечатлен некий Максим, он же Максимилиан Исаакович Франк, гражданин Австрии, некогда эмигрировавший из России в Израиль. По сведениям Интерпола Макс Франк был связан с крупными наркодельцами на Среднем и Ближнем Востоке и одновременно сотрудничал с МОССАДОМ. Последнее добавил уже Центр.

Почему был? Да потому, что господина Франка недавно убили в Стамбуле. Газеты писали о происках арабских террористов, но это явная ерунда: чего им делать в Стамбуле, охотиться за приехавшими туда евреями? Глупость! Тем не менее господина Франка убрали. Наверное, чтобы не путался под ногами у конкурентов или навечно затянули рот, поскольку слишком много знал? Вот и думай теперь, зачем боевики тянули через границу его фото?

Теперь о визитке. Любопытный факт: подобной фирмы вообще не существовало и вполне можно предположить, что эта визитка является еще одним вещественным паролем. Но кто и кому должен эти пароли предъявить?

Никого из погибших на горном карнизе не опознали: ни здесь, ни в Центре. Вот и думай, чего хочешь, а еще постоянно не дают покоя мысли о седьмом боевике: действительно он упал в пропасть, как убеждал старлей Севостеев, или каким-то невообразимым чудом ему удалось уйти? В таком случае он непременно должен знать эти горы и тропинки, как морщинки на собственной ладони: следовательно, он родился и вырос среди нагромождения безмолвных каменных громад?!

Если предположить, что караван – это партия наркоты, стоимостью в миллионы долларов, тогда многое проще понять, но этот ли путь, кажущийся наиболее простым и правдоподобным, ведет к истине? Путей множество, они извивались, петляли, заходили в тупики, но истина одна. Погибшие знали ее, а сумеет ли ее узнать майор Бахарев. С другой стороны, ну, узнает он, и что дальше? Как реализовать знание, если русских контрразведчиков и разведчиков здесь кот наплакал, а местным доверять нельзя ни за что и ни при каких обстоятельствах!

В местных органах госбезопасности раскол начался давно, еще когда сюда поехал будущий первый президент России и его тут решили, – естественно, не без подсказки некоторых влиятельных лиц из Москвы, – ликвидировать, как некогда ликвидировали президента США Кеннеди. Операции дали кодовое наименование «Восточный танец», а выполнить всю грязную работу должен был подполковник Джунайдулло Ибодов. Однако строптивый офицер отказался, и объект, именовавшийся в зашифрованных переговорах как «Беспалый», остался жив и невредим. Естественно, подполковнику быстренько инкриминировали взяточничество и осудили, чтобы стало неповадно другим, но раскол уже начался, трещина, разделявшая бывших сослуживцев, с каждым днем росла и ширилась, тем более, что наступали иные времена и тот же Ибодов вышел на свободу и опубликовал сенсационные разоблачительные воспоминания в газете «Адолат».

Не только госбезопасность, но и вся республика раскололась на исламистов-фундаменталистов, на жаргоне именуемых «вовчиками» и «защитников конституционного строя», прозванных «юрчиками». Отчего так, никто не мог объяснить. Бахарев как-то докопался, что «вовчики» произошли от ваххабитов, сторонников определенной религиозной идеологии. А отчего «юрчики», никто так и не знал. Но они твердо держали сторону правительства – коррумпированного, слабого, но считавшегося законным.

Когда сотнями стали гибнуть сотрудники органов милиции и госбезопасности, причисляемые к «вовчикам», они начали уходить в отряды боевиков оппозиции и за границу, справедливо рассудив, что это негласно проводили чистку «юрчики». Да беда в том, что «вовчики» удивительно легко превращались в «юрчиков» и наоборот, а уследить за этими странными превращениями, как за многими подобными вещами на Востоке, не оставалось никакой возможности, даже с использованием тех средств, которыми располагала служба контрразведки России.

Итак, на фото запечатлели наркодельца и агента израильских служб Макса Франка. Не исключено, что он сотрудничал и с американским Бюро по наркотикам ФБР или с Интерполом – такие субъекты обычно имели по несколько хозяев, постоянно двурушничали и кончали плачевно. Франк не стал исключением, но оставил загадку, над которой теперь ломал голову майор Бахарев: что могло быть общего у еврея-наркодельца с бородатыми исламскими фундаменталистами?! Впрочем, жизнь выкидывала еще не такие штуки. Если их объединили наркотики, а следовательно, большие деньги, тогда все предельно ясно. Но если не наркотики, тогда что?!

Сплошные загадки, вопросы, версии и предположения. Хорошо учиться в школе: там в конце задачника всегда найдешь ответ, а здесь кто подскажет правильный путь к решению? Предположим, фото служит вещественным паролем, но почему взяли именно его, с Максом Франком, который в момент нарушения границы, наверное, еще был жив. Могли ведь использовать для пароля любую открытку, хоть с видами какого-нибудь города.

Когда-то Юрий читал, что в труднодоступных и чрезвычайно засушливых районах Восточной Африки обитали удивительные племена нилотов – самых высоких и загадочных людей планеты. Столетиями их быт, обряды и верования оставались неизменными. Некоторые из их племен сохраняли верность многоженству и ни за что не прощали измену. Вера не позволяла им убивать и тем не менее их основной пищей являлась... кровь! Просто фильм ужасов наяву, театр абсурда и тянущийся столетиями кошмар в выжженной пустыне.

События в республике Южных Предгорий очень напоминали Бахареву брошюрку об нилотах. За чьей же кровью шли сюда люди, о которых сообщил Султан? Ах, если бы кого-нибудь из них удалось взять живым! И где седьмой?

До сей поры Султан успешно скрывался под маской юродивого – в этих краях помешанных искони принято уважать. Придется дивана Тохиру, то есть осведомителю, работающему под псевдонимом Султан, в самое ближайшее время совершить новую вылазку глубоко в горы: на этой стороне границы действовал отряд «вовчика» Мамадаеза Аминова, с которым, в тайне от всех, через многократно проверенных людей Бахарев поддерживал связь. Он с детства был знаком с Мамадаезом, к тому же тот раньше имел звание капитана КГБ и в ряде случаев не отказывал в помощи другу детства и бывшему коллеге, хотя они и оказались по разные стороны баррикад. Может быть, и теперь Бахареву посчастливится вытянуть козырную карту? Вдруг, Аминов знает тех, кто запечатлен на фото, а если он видел его целиком, то это вообще невероятная удача.

В горы Тохир отправился на следующий день после очередной встречи с майором. Закинув за спину сумку с провизией и опираясь на длинный посох, дивана легко поднимался по петлявшей тропе – он твердо решил к вечеру дойти до перевала, а там уже останется меньше половины дня пути. Где сейчас располагался отряд Аминова, ему подсказал Юрик-джон. Он же шепнул и заветные слова, которые следовало передать Мамадаезу, чтобы тот принял посланца как положено и ненароком не свернул ему шею: чужих нигде не жаловали.

Заплутать юродивый не опасался – здешние места хорошо знакомы, а не предвиденных встреч с вооруженными людьми ему страшиться нечего: местные всегда с большим уважением относились к дивана и никогда не причиняли им вреда, почитая, как посланцев

Аллаха на земле, а урусча не обращали на них внимания, считая атрибутом здешней экзотики. Правда, они не раз останавливали Тохира, проверяли его и допрашивали, но неизменно выручал спрятанный за пазухой старенький истертый паспорт, который капыры охотно признавали за основной документ, удостоверяющий личность человека. Это всегда вызывало у дивана ироничную улыбку – разве можно на основании какой-то бумаги с печатями судить о человеке?!

Когда ты занят размышлениями, любая дорога кажется короче. Незаметно Тохир очутился на перевале. В долине, куда он намеревался спуститься, уже наступили сумерки и солнце готовилось спрятаться за вершины гор, поэтому стоило поторопиться найти до темноты место для ночлега. Поправив сумку, юродивый поспешил вниз: как он помнил, примерно в часе пути отсюда стоял старый, полуразрушенный мазар, а рядом с ним сложенный из катышей маленький уй – хижина без окон, с покосившимися стенами. Но там есть очаг, в котором можно развести огонь, а стены защитят от пронизывающего ветра. Вот и получится отличное место для ночлега, а днем он уже должен найти отряд Аминова. Впрочем, не стоило загадывать и искушать разными замыслами переменчивую судьбу.

К мазару он подошел уже в темноте. Отыскав вход, проник в уй и свалил на земляной пол собранный по дороге хворост. Вскоре в очаге весело заиграло пламя, с треском пожирая дерево и бросая по сторонам багровые отсветы. Дивана присел около огня и достал из сумки лепешку. Отрывая от нее маленькие кусочки, он отправлял их в рот и думал, что ситуация в любой момент может крайне обостриться и, наверное, стоило серьезно прикинуть, как лучше выйти из смертельно опасной игры, в которую он ввязался. Любой живой человек хочет жить и дальше, он все готов сделать и отдать, лишь бы дышать свободно и ходить по земле, и тут Тохир не был исключением – он тоже хотел жить и делать то, что ему заблагорассудится, а не то, что прикажет Юрик-джон. Даже скорее его стоило назвать «афанди Юрик», поскольку во многом он действительно господин над несчастным Тохиром.

Да, выжить в страшной круговерти нескончаемой войны, огненным комом катившейся по его родным горам, очень не просто. Афанди Юрик в какой-то момент оказался спасительной соломинкой, держась за которую Тохир сумел вылезти из трясины и сохранил голову, но это было тогда, а теперь все снова менялось, и как быть? Ведь Юрик здесь не на века!

Конечно, следовало отдать должное контрразведчику урусча: он хитер, умело влезал в душу, очень силен физически и ловок, а самое главное, умел железной хваткой держать за горло. А как он говорил на фарси! Он явно родился и вырос в кишлаке, спрятавшемся в неприметной горной долине: переодень Юрика, и его станет трудно отличить от местного жителя. И тем не менее он все равно здесь временный гость, а не хозяин: он пришел и ушел, а Тохир останется, вернее, вынужден остаться. Надо думать, хорошенько думать, чтобы не только остаться в родных горах, но остаться в живых.

На последней встрече Юрик сказал: боевики, о которых сообщил дивана, погибли на горном карнизе в Черном ущелье. Урусча сам видел их трупы. Однако каким-то неясным чувством Тохир понял, догадался или как там это еще назвать, что Юрик о чем-то недоговаривал, хотя внешне вел себя как обычно. И это насторожило юродивого – какие еще сюрпризы могут его ждать?

И он прямо спросил об этом у контрразведчика. Тот на мгновение замялся, – всего лишь на краткий миг, – но этого оказалось Тохиру достаточно, чтобы больше не верить ни одному слову. Юрик-джон начал рассказывать, как один из боевиков упал в пропасть, вернее, туда скатилось его тело, а спуститься вниз не было никакой возможности: ведь Тохир сам знает, как это сложно сделать в Черном ущелье.

Осведомитель кивал, заставлял себя растягивать губы в улыбке и делал вид, что он верит урусча и слушает его, но в мозгу Тохира уже крепко засела одна мысль – сотрудничество с контрразведчиками пришел конец! Просьба Юрика отправиться в отряд Аминова

оказалась как нельзя кстати, поскольку Мамадаез вместе со своими головорезами базировался неподалеку от границы. Добраться до него, передать, что просил Юрий, а потом либо одному, либо с отрядом Аминова уйти за кордон и больше не возвращаться. По крайней мере до тех пор, пока не уйдут русские и власть не переменится. Лучше впроголодь жить на чужбине, чем тут получить пулю или веревку на шею. Оттого, что тебе перережут горло в родных местах, смерть не станет слаще!

От размышлений дивана отвлек звук чужих шагов – кто-то приближался к его ненадежному убежищу. Похоже, шло несколько человек. Бежать? Но куда и как? Опять же убегающий всегда больше рискует нарваться на автоматную очередь, чем сидящий смирно. Поэтому Тохир застыл у очага, сложив руки на коленях и моля Аллаха, чтобы сюда не кинули гранату!

Ждать долго не пришлось. Буквально через несколько минут в хижину заглянул вооруженный автоматом молодой парень, уже успевший отпустить по обычаю боевиков бороду. Следом за ним появились еще несколько человек, державших оружие на плечах, как коромысла. Дивана поднял глаза на вошедших и похолодел – на него, оскалив зубы в хищной усмешке, пристально смотрел Гафур! Видно, не зря афанди Юрий так старательно умалчивал, что же на самом деле случилось на горной тропе в Черном ущелье?

– Вот кто тут развел огонь, – подходя ближе вкрадчиво произнес Гафур. – Греешься? Предвкушаешь, как тебя охватит пламя ада?!

Тохир подумал, что уничтожить фотографию, которую дал ему урусча, теперь уже вряд ли удастся и неожиданно настал час спасти свою жизнь, причем все случилось значительно скорее, чем он рассчитывал. В конце концов контрразведчик ему не родня, но и торговаться с этим животным Гафуром тоже не имело смысла: нужен кто-то более умный и толковый, способный понять, какую ценность может представлять дивана.

– Что тебе нужно? – стараясь выглядеть бесстрастным, спросил юродивый. – Ты пришел на запах дыма? Садись к очагу, здесь всем хватит места.

– Прекрати, – презрительно скривился боевик и обернулся к остальным. – Это он приходил в кишлак перед тем, как нам отправиться в проклятое Черное ущелье. Теперь пришла пора за все ответить!

– Я за все отвечу только перед Аллахом! – упрямо склонил голову дивана.

– Да, да, конечно! Только учти, что в эту ночь Аллах для тебя это я!

Гафур ткнул себя в грудь грязным пальцем и хрипло рассмеялся.

– Не богохульствуй! – глухо сказал один из боевиков, и это вселило в Тохира некоторую надежду.

Встав на колени, он начал громко молиться. Его слова тяжело падали с обветренных губ в тишине, прерываемой лишь потрескиванием огня и вздохами молча стоявших боевиков.

– Омен! – дождавшись конца молитвы, Гафур набросил на шею дивана веревочную петлю и стал вязать ему руки. – Пошли, утренний намаз мы совершим вместе, как тогда, с Хадыром. Помнишь?..

В магазин «Пеликан», располагавшийся недалеко от Яузского бульвара, Шатуновский приехал во второй половине дня. Он с удовольствием отправился в знакомые с юности края – недалеко, на набережной, тянулись корпуса военной академии, где Георгий Кузьмич когда-то учился, а рядом Устьинский мост, за которым, на той стороне Москва-реки, на углу набережной и улицы, раньше носившей имя знаменитой летчицы Полины Осипенко, возвышался многоэтажный дом. В нем Шатуновский снимал квартиру и воспоминания о тех днях и тех женщинах, с которыми он делил кров и постель, до сего времени согревали душу. Дом давно снесли, зато осталось здание текстильного института, в котором училась одна из его пассий, и по-прежнему незыблемо стоял высотный дом на Котельнической набережной. И на том

спасибо: все-таки если и занесла тебя сюда судьба, как сегодня, то по крайней мере не возникло ощущения, что приехал на остывшее пепелище, где не осталось ничего.

Припарковав машину, генерал бросил взгляд на часы – есть ли еще время, чтобы прогуляться по Солянке? Сколько раз он давал себе слово пройти-проехать по всем местам города, где прошла его юность, да то дача, то дела не пускали, то болячки, будь они неладны, не давали шагу ступить. Но времени для прогулок уже не оставалось, и Георгий Кузьмич, скрепя сердце, направился к магазину, торговавшему всякой всячиной, необходимой для ремонта и отделки квартир.

Торговый зал оказался просторным и прохладным. Покупателей было мало, и Шатуновский не спеша прошелся мимо зеркал и стендов с обоями, поглазел на люстры и кафель.

Вялым жестом подозвав продавца-консультанта, Шатуновский спросил:

– Голубчик, а нет ли у вас перламутрового унитаза японского производства? Мне нравится их дизайн и отделка.

– Пока нет, – с виноватой улыбкой ответил молодой человек и предложил: – Наверное, вам хотелось бы все в комплекте: туалет, ванную и раковину?

– Желательно, – подтвердил генерал.

– Поговорите с управляющим, может быть, он сможет вам помочь?

Продавец проводил Шатуновского к дверям в подсобное помещение. После ярко освещенного, просторного, сверкающего огнями торгового зала в довольно узком коридорчике, со стенами, выкрашенными блекло-зеленой масляной краской, показалось сумрачно. Да тут еще откуда-то появился похожий на огромный несгораемый сейф детина и фамильярно поинтересовался:

– Тебе чего?

Подобное обращение генерала несколько покорило, но он справедливо решил, что в чужой монастырь со своим уставом не ходят и у того, с кем он хотел встретиться, охрана соответствовала его положению в мире криминального бизнеса. Странно ожидать предельно вежливых и услужливых секьюрити там, где их просто не может быть. Стоило ли тратить нервы на животное? Как говорил хитроумный Одиссей, поучая своего сына: научись побеждать свой гнев!

– Мне нужно переговорить с управляющим, – Шатуновский, под пристально недоверчивым взглядом детины опустил руку в карман пиджака, достал платочек и промокнул вспотевший лоб. – Меня зовут Георгий Кузьмич.

Охранник покосился на кейс в руке отставного генерала, пробурчал нечто нечленораздельное и показал на дверь в конце коридора. Видно, эту гориллу все-таки заранее предупредили о появлении гостя.

Шатуновский прошел в конец коридора, открыл дверь и очутился в небольшом светлом кабинете, где за столом сидел средних лет мужчина в модном костюме. Бросив взгляд на его руки, лежавшие на папке с какими-то бумагами, генерал отметил, что пальцы и тыльная сторона кистей «управляющего» покрыты белесыми разводами шрамов, оставшихся от выведенных татуировок.

– Добрый день, – мужчина приветливо улыбнулся и встал, жестом предложив Шатуновскому располагаться в кресле у стола. – Я рад нашей встрече, Георгий Кузьмич.

– Я тоже, уважаемый Григорий Иванович, – кивнул генерал, опускаясь в кресло.

«Еще бы тебе не радоваться, – подумал он, поудобнее пристраивая на коленях кейс. – Я же деньги привез, так сказать, под расчет за проделанную работу, а деньгам все всегда рады».

Кстати, Шатуновскому очень понравилось, что хозяин не подал ему руки: значит, осознает существующую между ними дистанцию? Хотя многие из его «коллег», верховодивших в мутном криминальном болоте, давно считали, что им все на свете позволено и ломовые бабки делали их ровней любому человеку. Ан нет, ребята, тут вы ошибаетесь! С вами будет

на равных только тот, в ком душонка такая же, как у вас, и никто другой. Нормальный человек от вашего тухлого болота просто отвернется, да вы к нему и сами не полезете, поскольку нечего с ним делать: нормальные, да честные, они, как правило, бедные, а бедные люди вас мало интересуют. С них взять нечего!

– Тут чисто? – слегка поморщившись, отставной генерал неопределенно пошевелил пальцами.

– Не сомневайтесь, – заверил хозяин и подумал, что теперь ясно, у кого известный правовед Серега Финк по кличке Щапа перенял привычку интересоваться чистотой помещения от записывающей и передающей аппаратуры. Впрочем, чтобы догадаться, особого ума не нужно, поскольку именно при посредстве Щапы достигли договоренности о сегодняшней встрече. Причем ее инициатором выступил гость, что вызывало любопытство Колчака.

Верный своей привычке зря не рисковать, он решил провести встречу в магазине, принадлежавшем одному из его давних подельников: Финк не болтун, это проверено, а нового человека совершенно ни к чему сразу же тащить в офис. Это все равно, что положить его в постель к своей бабе. В переулке поговорить можно и на лавочке в сквере, но так поступать не солидно.

– Примите! – Шатуновский положил на стол кейс. – Тут под расчет.

Он ожидал, что хозяин хотя бы откроет крышку, дабы убедиться, что в кейсе именно обещанные баксы. Судя по рассказам Финка, этот господин весьма недоверчив, но Колчак небрежно снял кейс со стола и поставил на пол.

– Вас удовлетворила наша работа или есть претензии?

– Нет, претензий нет, – мягко улыбнулся Георгий Кузьмич.

– Чай, кофе? Может быть, по рюмке? – предложил Маркин. – Есть отличный греческий коньяк.

– Благодарю, я за рулем, – отказался отставной генерал.

Честно говоря, он чувствовал себя несколько не в своей тарелке, разговаривая с представителем совершенно чуждого ему мира, и злился на себя, поскольку никак не мог нащупать единственно верный тон, который позволил бы ввести разговор в нужное русло. Думалось ли когда-нибудь Георгию Кузьмичу, что ему придется сидеть за одним столом и общаться с отпетым уголовником, а тот будет предлагать ему выпить по рюмке коньяка?! Да раньше такое и в кошмарном сне не привиделось бы. Этот Колчак в иные времена и близко побоялся подойти к Шатуновскому, да его и не подпустили бы, а теперь, когда страшно перевернулся мир, генерал вынужден общаться с таким человеком, засунув все амбиции в задницу, и придется пожать руку, если Колчак ему протянет ее на прощание: с волками жить по волчьему выть!

Маркин молча смотрел на него, явно ожидая, что гость скажет наконец, зачем ему понадобилась личная встреча с хозяином фирмы «Ачуй». И Шатуновский, слегка замявшись, поинтересовался:

– При необходимости мы можем продолжить сотрудничество?

– Если вы останетесь кредитоспособны и по-прежнему молчаливы, – без тени улыбки ответил Колчак. И тут же уточнил: – Разве услуги господина Финка вас более не устраивают или вы ему не доверяете?

«Прирежут еще бедного Серегу», – подумал Георгий Кузьмич и поспешил успокоить хозяина:

– Нет, что вы, о недоверии нет и речи. Тут несколько иное.

– Тогда что? – не отставал Маркин. – Вы же прекрасно понимаете: у нас специфический бизнес и все должно быть предельно ясно!

– Да, я понимаю, – вздохнул отставной генерал. – Хотелось бы знать, можно ли обратиться к вам за помощью сугубо конфиденциально, без посредников. Случаются, знаете ли, разные ситуации: жизнь есть жизнь.

– Ради бога! – Колчак впервые за время встречи несколько расслабился. – Приезжайте сюда и спросите Валентина, а ему скажете, что хотите видеть Григория Ивановича. Он все организует и мы поможем разрешить любые затруднения.

– Не взирая на лица?

– В принципе да! – твердо ответил Маркин. – Все дело только в цене!

– Хорошо, это меня устраивает как нельзя лучше.

– Это вам, – Колчак протянул отставному генералу большую картонную коробку. – Маленький презент от фирмы: неудобно же выходить из магазина без покупки.

«Конспиратор! – отметил про себя Шатуновский. – Надо же, догадался, уголовная рожа, а я со всей своей фанаберией даже и не подумал об этом!»

Магазин он покинул с двойственным чувством: с одной стороны, испытывая удовольствие состоявшимся свиданием и ответом, полученным на мучивший его вопрос, но, с другой, – презирая себя за то, что опустился до общения с криминальными авторитетами. Однако куда денешься в современной жизни без того, чтобы не наступить на самого себя? Не наступишь сам, так найдутся другие, кто непременно наступит. Естественно, с людьми типа Григория Ивановича предпочтительно общаться через посредничество Сереги Финка, но могут возникнуть ситуации, когда посредник окажется совершенно ни к чему – лучше, если информацией владеет как можно меньшее число людей. Их всегда можно проверить, постоянно держать в поле зрения и быстро выявить утечку. Впрочем, не приведи бог, не то полетят головы, и какие головы! Коробку Георгий Кузьмич положил в багажник, решив посмотреть, что в ней позже, хотя ему очень хотелось развязать бечевку и приподнять крышку: любопытно все же, каковы изобретательность и фантазия Григория Ивановича, или как там его на самом-то деле? Ничего, с этим можно и немного подождать, а вот другое дело не терпело отлагательств.

Устроившись за рулем, Шатуновский достал мобильный телефон и набрал знакомый номер.

– Я жив и здоров, – услышав ответ в наушнике, бодро сообщил он. – Иногда в пещерах людоедов не более жутко, чем в гроте для оркестра.

– Как пообщались? – чуть хрипловато спросил невидимый собеседник.

– Нормально. Думаю, тесные контакты нежелательны, но возможно использование в наших интересах.

– Однако до определенного момента!

– Полностью согласен...

Чуенков священнодействовал на кухне: сегодня он решил приготовить карри из баранины, непременно с острыми приправами, именно так, как когда-то научился в Азии, где еще совсем молодым офицером проработал несколько лет. Прекрасное время! Сейчас все прежние неприятности казались мелкими и несущественными и вспоминалось лишь о том, какие женщины тебя любили и ты казался сам себе лично бессмертным: ведь это так при-суще прекрасной молодости!

Когда Виктор Николаевич брался готовить, никто из домашних ему не мешал – ни дочь, ни жена, ни уж тем более младший сын не имели права появляться на кухне, дабы не отвлекать шеф-повара от священнодействия. Зато потом все уплетали приготовленное им блюдо за обе щеки и только нахваливали. Правда, готовил Чуенков редко и лишь по вдохновению.

Шинкуя лук, полковник, как простуженный, часто хлюпал носом и моргал, стараясь согнать набежавшие слезы, но не обращал на это внимания, поскольку мысли его витали далеко: он вновь и вновь мысленно обращался к заветной папке, день ото дня распухавшей

от документов. Ну и клубок там завязался, нарочно не придумаешь, словно специально подбрасывали тебе одну головоломку за другой, причем не оставляя времени на их разгадывание – не успел получить одну, как следом уже появилась вторая, а за ней третья, четвертая...

Сначала в поле зрения контрразведки попали советник МИДа Ульман и его давний приятель из Администрации Дороган. Любопытно было послушать, о чем болтали в бильярдной клуба «Робинзон» Лев Михайлович и Александр Исаевич, но потом стало еще любопытнее, когда, через некоторое время, Дороган встретился в бане с отставным генерал-лейтенантом Шатуновским.

Прослушать их беседу не удалось, но наружное наблюдение засняло встречу и потянулось уже не только за Дороганом, но и за отставным генералом. Кстати, зачем тот провел столько времени наедине с чиновником из Администрации? Не голубые же они на самом деле? Это ребята Чуенкова самым тщательным образом проверили – и Дороган и Шатуновский имели самую что ни на есть нормальную половую ориентацию. Следовательно, это была чисто деловая встреча, поскольку тесной связи между Александром Исаевичем Дороганом и Георгием Кузьмичем Шатуновским ранее не отмечалось. Конечно, в баню ходят не только с близкими друзьями-приятелями, но тем не менее крайне любопытно узнать, о чем говорили связанный с одним из крупных банков и военными кругами отставной генерал-лейтенант и чиновник из Администрации? Скорее всего, они являлись представителями каких-то финансово-политических группировок, нащупывающих возможности контактирования и взаимодействия, а, может быть, обменивавшихся информацией?

Каких группировок, какое между ними может возникнуть взаимодействие, какую информацию они продавали друг другу и по какой цене?! Чем, раздери их совсем, они могли заинтересовать друг друга, какими возможностями, в том числе информационными? Ведь информация в наше время самая дорогостоящая штука!

Виктор Николаевич отложил нож и промокнул слезящиеся глаза платком. Ничего, сейчас он отправит нашинкованный лук в кипящее масло и сразу станет легче, а от приправ по кухне поплывет дразнящий ноздри аромат.

О, если бы все проблемы разрешались так же легко, как при приготовлении карри! Нетрудно догадаться, что тех, кто стоял за отставным генералом Шатуновским и чиновником Дороганом, объединяло одно – деньги! Можно немного напрячься, поработать и вполне точно определить крут тех, чьи интересы представляли попавшие в поле зрения контрразведки люди. Но как выяснить, каким путем они хотели получить деньги, что они замыслили?! Явно нечто противозаконное, криминальное, но что именно и какова, если можно так выразиться, технология их преступного бизнеса? А в том, что он преступен, нет никаких сомнений.

Может быть, он ошибался и преступление уже не на стадии замысла, но являло собой законченное или продолжавшееся деяние, а Шатуновский и Дороган просто некие корректировщики или связные: кто знает, с какой периодичностью и сколько раз они встречались до того, как за ними выставили наружное наблюдение?

Все бы ничего, но тут драгоценный господин генерал выкинул новую штучку – поехал в магазин «Пеликан», где исчез в подсобных помещениях. Естественно, тем, кто вел наблюдение за Георгием Кузьмичем проникнуть следом за ним в подсобные помещения магазина не удалось, зато установили другое: данная торговая точка принадлежала некоему Валентину Ильичу Юдину, известному в криминальных кругах под кличкой Юда и связанному с одной из крупных центровых уголовных группировок. Впрочем, по большому счету практически любой легальный бизнес в России так или иначе смыкался с нелегальным и, хоть в какой-то мере, он был связан с криминалом. Пусть даже только данью или сокрытием налогов.

Прелестная получалась компания: дипломат, высокопоставленный чиновник, отставной генерал-лейтенант и отпетый уголовник. Что их объединяло? Опять же только деньги! Но каким путем они собирались их делать или уже делали?

Радиоперехват успел поймать конец телефонного разговора, который вел Шатуновский из своей машины после посещения «Пеликана». В нем речь шла явно об использовании криминальной гвардии.

Виктор Николаевич грустно улыбнулся – до чего же мы дожили! Генералы общались с уголовниками, главами администрации некоторых областей становились неоднократно судимые люди, мэры крупных городов с гордо поднятой головой отправлялись в тюрьму, а в Думе вообще творилось черт знает что! А он, должный стоять на страже государственных интересов, вынужден изворачиваться ужом и хорошенько подумать, прежде чем решить: докладывать ли имеющиеся в деле материалы генералу Моторину или подождать? Этот вопрос возник с самого начала, но ответа на него у Чуенкова все еще не было: если ждать, то чего и сколько времени, а если доложить, то не сделаешь ли хуже для дела?

Валерий Иванович Моторин человек специфический, от природы награжденный умом лукавого царедворца и маниакально осторожный. Эти качества помогли ему занять высокий пост и удержаться на нем при всех жутких сквозняках перемен, сдувших уже не одного «лампасного» руководителя с насиженного теплого кресла. Впрочем, может ли найтись в их системе «теплое» кресло? Везде только и успевай вертеться.

Может быть, пока лучше продолжать действовать на собственный страх и риск, так сказать, в рамках имеющихся у него полномочий, временно оставив высокое руководство в полном неведении относительно начатой разработки? Сможет ли Моторин помочь развязать странный узел или предпочтет разрубить его, а то еще хлеще, просто прикажет все отбросить и накрепко забыть?

Полковник помешал длинной деревянной ложкой в казане и положил в него мясо. Некоторые предпочитали готовить мясные блюда в микроволновой печи, но он любил делать это по старинке, на газовой плите. А еще лучше стряпать на открытом огне очага или походного костра, чтобы к дурманящему запаху специй примешался и тревожный запах дымка. Но это из области мечтаний. Хотя можно попробовать осуществить мечту на даче. Вот только вопрос: когда удастся туда выбраться на денек-другой? Ведь кроме загадок, подкинутых Ульманом, Дороганом и компанией, есть иные дела.

Итак, что решить? Продолжать работу без санкции начальства? Волей-неволей он тут начинал уподобляться Юрке Бахареву, всегда стремившемуся все решить самому. Любопытные материалы пришли от него на экспертизу, роет там майор землю, прогрызает камни древних гор, а ведь скоро он вернется в Москву, поскольку истек срок командировки. Смешно предполагать, что Бахарев не хочет домой – в тех местах, где ему не по своей воле приходилось работать, совсем не сладко во всех отношениях. Вот приедет Юрий Алексеевич, и его привлечем к разработке странной компании чиновников, дипломатов, отставных генералов и уголовников. А возвращения Бахарева осталось ждать совсем недолго...

Дижана Тохир ушел в горы неделю назад и пропал, как до него пропадали среди умевших хранить тайны каменных громад многие люди, молившиеся разным богам и служившие разным хозяевам. Ушел человек – и нет его. По-прежнему светило солнце, по ночам сверкали на черном бархате неба бриллианты звезд, по-прежнему дул ветер, печально завывая в щелях каменных громад, но никто не знал – жив ли Тохир, вернется он в долину?

Прошел контрольный срок возвращения агента, но о нем по-прежнему не было ни слуха ни духа. Бахарев старался успокоиться тем, что и раньше такое случалось: здесь на каждом шагу человека подкарауливало множество непредвиденных осложнений, поэтому не стоило преждевременно заводить панихиду. Однако вскоре прошел второй контрольный

срок, а на душе не исчезало чувство неприятного зудящего беспокойства, предвещавшего близкое несчастье. Если бы Юрий мог связаться с отрядом Мамадаеза, если бы мог запросить их о дивана Тохире, но...

Ночью, ворочаясь без сна на жесткой койке в комнате офицерского общежития, Юрий решил, что, наверное, лучше всего ему самому отправиться в горы, туда где сейчас располагался отряд Аминова – в три дня вполне можно уложиться, и все сразу встанет на свои места. По крайней мере он узнает, появлялся ли там Тохир, и покажет Мамадаезу фотографию: вдруг давний приятель кого-то узнает или расскажет чего путное о «караване». Сдается, это крупная операция с наркотиками, в которую замешаны весьма серьезные люди.

Утром он пошел к полковнику Макарову, руководившему группой прикомандированных сотрудников контрразведки. Илья Васильевич человек хороший и все правильно понимал, но и Юрий решил не открывать всей правды.

– Мне нужно отлучиться на пару-тройку дней, – заявил Бахарев, усаживаясь напротив Макарова. – Хочу повидаться с одним человеком, а ему сюда хода нет.

Встречи с осведомителями были обычным делом, поэтому Юрий решил избрать самый благовидный предлог для отлучки. К тому же он действительно хотел повидаться с Аминовым, которому не стоило появляться в местах, контролируемых правительственными войсками.

– Да? – Макаров раскурил трубку и испытующе посмотрел на Бахарева. – Говори прямо, чего задумал?

Ему нравился этот живой и толковый парень, прекрасно владевший фарси. Конечно, под началом Макарова он временно и скоро кончался срок его командировки, но, как казалось полковнику, в отличие от него Юрий станет вновь стремиться сюда, несмотря на грязь, жару, тупость и ужасающую коррупцию местных чиновников и взрывоопасную обстановку.

И дело не в том, что у Бахарева амуры с директоршей местной столовой Розой – она баба молодая, смазливая и слабая на передок. Эта разведенная татарочка предпочитала выбирать любовников из командированных москвичей: может быть, строила грандиозные планы уехать в столицу России? По крайней мере на глазах у Макарова она сменила трех ухажеров, и Юрий был четвертым. Его связь с Розой Илья Васильевич не одобрял, однако держал собственное мнение при себе, не собираясь делиться им с кем бы то ни было, особенно с руководством. Ну, спал майор с директором столовой, ну и на здоровье, – это их личное дело. Когда он уедет, она будет спать с другим. И ведь никакого СПИДа не боятся, сукины дети!

Да нет, не Розка будет тянуть сюда Бахарева, – он еще наверняка встретит настоящую любовь, – а нечто иное. Риск, самостоятельность, возможность принимать решения, не оглядываясь на вышестоящее начальство, вот что его привлекало. И сейчас он как пить дать темнит, однако формальных оснований для запрещения его встречи с осведомителем нет.

– Чего я могу задумать? – Юрий пожал широкими плечами. – Обычная встреча.

– Ладно, – нехотя кивнул полковник. – Но постарайся уложиться в два дня. И вообще лучше считать, что ты проводишь самостоятельную операцию.

«Снял с себя ответственность, – готовясь к выходу в горы, подумал Бахарев. – Впрочем, его тоже можно понять, зачем ему лишняя головная боль? Ее и без меня хватает!»

К Мамадаезу майор решил отправиться безоружным, поборов искушения взять пистолет, нож или гранату. В любом случае, кому не попадись, тебя обыщут, а человек без оружия вызывал меньше подозрений. Ему нужно проскользнуть тихо, как мышке, не привлекая внимания, а в случае рукопашной стычки Юрий умел постоять за себя – он прилично владел кун фу, в юности занимался легкой атлетикой и дзюдо, а позже, уже став офицером, прошел спецкурс диверсионно-разведывательной подготовки. Кстати, палка может не только помочь взбираться в гору, но и способна послужить грозным оружием в умелых руках, а если дело

обернется серьезно, то против автоматов и пистолет ничто. Так что лучше уповать на собственную удачливость, счастливую звезду и быстрые ноги.

Из городка Бахарев вышел одетый в обычный камуфляжный костюм с палкой в руках и стареньким вещмешком за плечами. Дорогу он знал хорошо и к вечеру достиг перевала. На ходу Юрий съел лепешку, запил ее водой из баклаги, начал спускаться в долину и вскоре увидел сложенную из камней хижину около старого мазара. Судя по всему, в ней уже две недели никто не появлялся.

В хижине майор быстро переоделся, облачившись в поношенную рубаху. На босые ноги обул стоптанные сапоги. Сверху накинул выгоревшую на солнце куртку, а на голову водрузил засаленную чалму, в которой спрятал фотографию. Подпоясался одним платком, а другой повязал на шею. Кажется, с маскарадом все? Юрий засунул в щель между двух больших камней около хижины мешок с одеждой, оставшуюся у него лепешку и походную баклажку с водой положил за пазуху и отправился дальше. Небритый, в чалме и поношенной одежде, он ничем не отличался от местных жителей.

Стоило торопиться, чтобы поспеть спуститься в долину до наступления сумерек. Темноты Бахарев не боялся, но хотел еще засветло достичь передовых постов охранения отряда. В противном случае предпочтительнее дожидаться утра: на войне ночных гостей не слишком жалуют.

Все получилось как нельзя лучше – солнце еще только собиралось опуститься за вершины гор, как Юрия окликнули и из-за камней на тропу вышел боевик с автоматом.

– Салам, – вежливо поклонился ему Бахарев. – Я иду издалека и хотел видеть Мамадаеза-джон.

– Салам, – хмуро буркнул боевик. – Ишь, какой шустрый. Ну-ка, повернись!

Он обыскал майора, но, кроме лепешки и баклаги с водой, ничего не обнаружил. Расспросив Юрия, кто он и откуда, и удовлетворившись ответом, что перед ним Турсун-бобо из Гарса, дозорный подозвал другого боевика и приказал ему отвести задержанного в кишлак.

Сопровождающий, – или скорее конвоир, – являл собой тот тип парней, которые появились неизвестно откуда, как только началась заваруха. Плотный, низколобый, бандитского вида, он наверняка никогда не задумывался, нажимая на спусковой крючок, поэтому Бахарев почел за благо не раздражать его и беспрекословно выполнял все команды. По счастью, до кишлака добрались без происшествий, и Юрия передали другим людям.

На открытой просторной веранде большого дома сидел одетый во все темное мужчина средних лет. Он начал вкрадчиво, но весьма дотошно выпрашивать майора, зачем ему нужен Мамадаез-джон, сколько дней гость добирался сюда из Гарса и какими путями шел? Особенно его интересовало, не встречал ли он по дороге подразделений правительственных войск или солдат урусча. По традиции боевиков, допрашивавший Юрия мужчина носил окладистую бороду, но она была подстрижена и подбрита, а его темная одежда очень напоминала европейскую. И еще он курил американские сигареты, что было редкостью среди ревностных приверженцев шариата.

Ответы на возможные вопросы Бахарев продумал заранее и потому легко обходил поставленные «черным человеком» ловушки – наверняка с ним беседовал кто-то из бывших коллег Аминова, занимавшийся теперь в отряде вопросами безопасности и разведки. Но стоило поскорее выбираться из липкой паутины недомолвок и намеков, иначе в ней можно погрязнуть надолго: Восток нетороплив, а эти люди, если в чем-то сомневались, предпочитали разрешать сомнения лишь одним путем – нет человека, нет проблем!

Такой исход Юрия не устраивал, и он, слегка понизив голос, сказал:

– Я принес Мамадаезу-джон привет от одного его знакомого.

– Да, да, – понимающе кивнул бородач в черном. – От какого знакомого?

– Это я скажу только Мамадаезу-джон.

На счастье Бахарева, уже приготовившегося к препирательствам с бородачом, на веранду неожиданно заглянул сам Аминов: наверное, ему сказали о задержанном, который хотел с ним лично встретиться.

– Это ты пришел сегодня вечером? – спросил он у Юрия, знаком приказав бородачому оставаться на месте.

– Да, афанди.

– Гость – посланец Аллаха, пошли ужинать.

Аминов вышел в дом, и «черный человек» немедленно поднялся, цепко подхватил майора под руку и потянул следом за командиром, приговаривая:

– Пошли, пошли, Турсун-бобо! Когда приглашают, грех отказываться.

Открыв дверь в дом, они очутились в большой, ярко освещенной комнате, где вокруг достархана с огромным блюдом плова сидело несколько человек в пестрой одежде, с любопытством посмотревших на Юрия.

Почетное место занимал сам Мамадаез. Бородатый, – впрочем, там все носили бороды, – устроил Бахарева напротив полевого командира и сам сел рядом, видимо, все еще не доверяя чужаку.

– Берите, берите! – предложил Аминов и обеими руками показал на блюдо.

На Востоке вообще не принято есть в одиночестве, поэтому приглашение разделить трапезу не являлось чем-то необычным. Наоборот, считалось, что чем больше рук протянется к пище, тем большее изобилие в ней дарует Аллах. В совместной трапезе благодать, и только обстоятельства могли заставить правоверного вкушать хлеб одному.

Ели руками. Подтянув рукава куртки, Юрий тоже запустил пальцы в горячий плов и мысленно возблагодарил судьбу, что еще в детстве научился есть так, как это делали местные жители, и крепко запомнил принципы питания, якобы завещанные пророком: вареное не мешать с жареным, сушеное или вяленое со свежим, не есть легкого, почек и кишок, а также желудков коров. Пророк не ел сырого лука и чеснока, чего не следовало делать и верующим.

Повар в отряде Аминова был отменный, и плов удался на славу. Однако за едой майор не забывал присматриваться к сотрапезникам и с удивлением обнаружил, что среди них спокойно сидел заросший густой рыжеватой щетиной славянин – светлоглазый и светловолосый. Пленный? Нет, он никак не похож ни на пленника, ни на заложника. Кого же это занесла беспокойная и переменчивая судьба? Может быть, это вовсе даже и не славянин, а немец или англосакс? Что он делает у Мамадаеза?

Тем временем европеец доел, вытер сальные руки несвежим полотенцем и взял лежавший позади него фотоаппарат в кожаном футляре: камера была явно профессиональная, японского производства. Неужели корреспондент?

Почему, собственно, нет? Многие средства массовой информации стремились давать репортажи и с той и с другой стороны, а оппозиционеры не чурались рекламы и никогда не пренебрегали возможностью выставить себя в наиболее выгодном свете. И тогда никому уже нет никакого дела, что снимал или брал интервью урусча или другой капыр, – неверный! Ведь если такие парни не доберутся до ставок полевых командиров, то что станет показывать телевидение и о чем напишут в газетах?

– Нет, нет, это исключено, – громко сказал Мамадаез.

Юрий перевел взгляд на него и понял, что фотограф попросил разрешения снять трапезу, но Аминов отказал. Ясно почему: не хотел, чтобы в кадр попал Бахарев. Кто знает, кто потом станет разглядывать снимки и как все может повернуться? Что же, спасибо давнему приятелю: он, как мог, оберегал майора.

Вскоре ужин закончился. Аминов прочел короткую молитву и попросил сотрапезников оставить его наедине с гостем. Когда все вышли, он знаком предложил Юрию сесть рядом и тихо спросил:

– Зачем ты пришел? Это очень опасно.

– Я посылал к тебе дивана, – шепотом ответил Бахарев. – Но он не вернулся.

– Он не приходил, – мрачно бросил Мамадаез, и у Юрия тоскливо сжало сердце: не зря, значит, мучили дурные предчувствия?

Что могло случиться с Султаном? Либо предал и перешел на другую сторону, либо его нет в живых. Третьего варианта, пожалуй, не найти.

– Ты ничего не знаешь о нем?

– Нет.

– Вот, посмотри, – Бахарев снял чалму и достал из ее складок фото. – Кто-нибудь тебе здесь знаком?

Аминов взял фото, поднес его ближе к свету и прищурил карие глаза, пристально всматриваясь в лица. Потом показал пальцем на одного из азиатов и глухо сказал:

– Похож на Мирзо Азимова, одного из доверенных лиц лидеров оппозиции. Но точно не ручаюсь.

Он взял карточку за уголок и поднес ее к горевшему фитилю керосиновой лампы. Бумага ярко вспыхнула, жадное пламя быстро пробежало по ней и хотело лизнуть пальцы Мамадаеза, но он успел бросить ломкий черный пепел на пол, а потом тщательно растер его сапогом.

– У тебя есть копии, – уверенно сказал он Юрию, – а таскать с собой подобную улику неразумно. Откуда у тебя это? Можешь сказать?

– Несли через границу, оттуда сюда.

– Я даже не могу предположить, кому это понадобилось, – недоуменно развел руками полевой командир. – Есть что-то еще?

– Где сейчас Азимов?

– Говорят, в эмиграции. Поверь, у нас тоже часто не доверяют друг другу, хотя любят кричать, что все мы боремся за независимость.

Он горько усмехнулся и покачал головой, словно сожалея, что мало чем может помочь приятелю, проделавшему долгий и опасный путь, прежде чем попасть сюда.

– Что ты можешь сказать о «караване»?

– «Караван»? – Мамадаез удивленно взглянул на Юрия и протянул. – Вон, куда ты уже успел забраться?! Это как-то связано с той фотографией?

Бахарев сделал вид, что он не понял или не слышал вопроса: дружба дружбой, но нельзя забывать, что напротив сидел полевой командир боевиков оппозиции, которые стреляли по нашим парням. Странная штука жизнь, и еще более странная и загадочная вещь оперативная работа, когда представители непримиримо враждующих систем, втайне от остальных, мирно беседовали. Впрочем, непримиримы правительство Южных Предгорий и оппозиция, а как повернутся отношения между Россией и оппозицией в случае ее победы, загадывать пока трудно. Но в любом случае, договариваться с исламскими фундаменталистами нелегко.

– Что-то ты знаешь о «караване»?

– Так, слышал кое-что, – Мамадаез неопределенно помотал в воздухе рукой. – Какая-то суперсекретная операция, связанная с большими деньгами. – И, помолчав, тоскливо попросил: – Уезжай и не ввязывайся в это дело, Юрик-джон! Завтра я отправлю тебя на машине вместе с фотографом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.